

МАГІЯ ФЕНТЕЗИ

Елена ХОРВАТОВА

НАСЛЕДНИЦА ЧАРОДЕЕВ.
СТРАНСТВИЯ ПО МИРАМ

Выпускная книга серии

Наследница чародеев

Елена Хорватова

Странствия по мирам

2007

Хорватова Е. В.

Странствия по мирам / Е. В. Хорватова — 2007 — (Наследница чародеев)

Маргарита, обратившая на себя внимание колдунов из могущественного «Алого клана», из-за их козней едва не лишается магической силы. Ее друг, чародей и алхимик, рыцарь Раймунд Луллий, который известен в России как музыкант Роман Лунин, понимает, что в борьбу с молодой ведьмой вступил опасный враг. Раймунд намерен вмешаться в ход событий, а для Маргариты друзья находят надежное укрытие в ином мире, в замке чародея Мерлина. Три московские ведьмы, снедаемые любопытством, отправляются следом за ней... Маргарите предстоит множество опасных испытаний; около нее появятся отважные витязи, преследующие неоднозначные цели. Кто из них друг, а кто враг – разобраться непросто. Влюбленный дон Раймунд тоже не бросит даму сердца на произвол судьбы. Странствия по мирам, войны, бунты, интриги, возмездие врагам – Маргарите еще не раз придется доказать, что она по праву владеет магической силой.

Содержание

ПРОЛОГ	5
ГЛАВА 1	8
ГЛАВА 2	16
ГЛАВА 3	22
ГЛАВА 4	25
ГЛАВА 5	30
ГЛАВА 6	37
ГЛАВА 7	42
ГЛАВА 8	48
ГЛАВА 9	51
Конец ознакомительного фрагмента.	53

Елена Хорватова

Странствия по мирам

Возможно, каждый писатель, творящий Фантазию, созидаящий Вторичный Мир, мечтает быть настоящим творцом, надеется, что все, им написанное, реалистично, что бытие его Вторичного Мира берет исток в Реальности – или впадает в Реальность...

Дж. Р.Р. Толкиен

ПРОЛОГ

– Счастлив приветствовать вас, мессир Реми. Что привело достопочтенного мага и чародея на скромное собрание нашего клана?

Человек, говоривший это, стоял у высокого стола, покрытого черным бархатом. Несколько предметов, разложенных на этом своеобразном алтаре, ясно говорили – здесь совершаются магические ритуалы. Человек, как и все прочие в этом помещении, был одет в черный балахон с капюшоном, скрывающим лицо, на поясе у него, так же как и у всех, висел острый кинжал без ножен, но что-то неуловимое подчеркивало – этот человек здесь главный.

Гость, к которому он обратился, учтиво поклонился в ответ.

– Мое почтение, сэр Морган, да пребудет с вами удача во веки веков. Как вы знаете, только чрезвычайные обстоятельства могут заставить меня покинуть мое уединенное жилище, ибо превыше всего я ценю собственный покой. И если уж отказаться от уединения, то только ради встречи с таким великим мастером, как вы, достопочтенный сэр Морган.

Морган усмехнулся, и его глаза под капюшоном блеснули зеленым пламенем. Он всегда был в курсе дел своих коллег и конкурентов по магическому сообществу, и его трудно было обмануть. Он прекрасно знал, что Николя Реми, черный маг, хорошо известный в определенных кругах, недавно совершил вынужденное путешествие в азиатские страны, где оказался втянутым в бои местного значения... И только могучая сила одной магрибской ведьмы, не терпевшей появления в своих владениях пришлых чужаков, помогла вышвырнуть его обратно, в пределы России, где Реми последние полсотни лет преимущественно и пребывал.

Такое обращение с могучим магом – насильственное водворение на Восток, потом столь же бесцеремонное вышвыривание из мест, представляющих сферу чьих-то интересов, – подрывало авторитет мессира Реми в магических кругах. Что-то не так с его хваленым могуществом, если другие чародеи перекидывают его по миру, словно тряпичную куклу.

– Простите мое недостойное любопытство, мессир, но до нас дошли слухи о вашем внезапном отъезде в страны Магриба... При вашей любви к покою и уединению такое путешествие кажется невероятным.

По лицу Реми прошла мрачная гримаса.

– Мне пришлось освежить доспехи Аттилы, сэр Морган. Такой предмет не должен заставаться без дела, дабы не утратить тайную силу. К тому же и мне самому не помешало немного попрактиковаться в ратном деле – наш долг сохранять навыки воинов. Но вернемся к делу.

– Я весь внимание, мессир. Сегодня настало время завершать и начинать дела. Вернее, завершать старые и начинать новые дела. Если вам требуется наша помощь, члены нашего клана будут счастливы сделать все, что в наших силах.

Теперь пришла очередь мессира Реми усмехнуться: он был не настолько наивен, чтобы принимать речи Моргана за чистую монету. Но, как бы то ни было, придется искать союзни-

ков – он уже убедился, что в одиночку ему стало трудно бороться. Видимо, наступают иные времена...

– Сэр Морган, вы всегда в курсе последних новостей мира магии и, вероятно, уже знаете, что в Москве появилась молодая ведьма, которая лишь недавно обрела силу. Ни опыта, ни магической эрудиции у нее нет. Но она представительница весьма древнего рода, и ей в наследство перешли некие предметы, многократно усиливающие природную способность к колдовству и переданный ей семейный магический дар. Имя этой женщины...

– Маргарита. Не так ли? – перебил мессира Морган, отбросивший наконец свою напускную вежливость. – Я действительно слежу за действиями этой неофитки, достопочтенный мессир. Сама по себе она и вправду очень неопытна и далека от магического восприятия этого мира, хотя и не без определенных способностей к нашему высокому искусству. Но у нее есть могущественные покровители и наставники, имен которых, я полагаю, называть не надо. А главное, среди магического наследства, которое вы изволите называть «перешедшими к ней некими предметами», имеется древнее кольцо. Об этом кольце говорят, что сам великий Один, князь колдовства, изготовил его для своего сына Бальдра и наделил невероятным могуществом.

Морган замолчал и после долгой театральной паузы внушительно изрек:

– Не будем недооценивать юную леди. В сочетании с природными способностями, наследственным даром, помощью влиятельных друзей и силой кольца Бальдра мощь молодой ведьмы превосходит все, с чем мы когда-либо сталкивались!

– Ну это громко сказано, Морган! Просто у вас давно уже не было сильных соперников, – парировал Реми. – Однако не стоит пугаться борьбы, друг мой, настоящая суровая, азартная борьба не на жизнь, а на смерть добавляет к унылому существованию ярких красок...

Морган снова блеснул из-под капюшона зелеными глазами. Стало быть, Реми полагает, что это он, Морган, должен бороться не на жизнь, а на смерть, добавляя ярких красок, которых в его существовании и без того немало, а старый хрыч Реми заползет в свою нору и будет наслаждаться вожаемым покоем и уединением. Как же он любит загребать жар чужими руками!

– Что касается ведьмы Маргариты, – продолжал мессир, – положение усугубляется тем, что она всеми силами пытается не делать зла. Добро она творит пока не слишком умело, но, похоже, девчонка выбрала именно этот путь. И пребывает в глупых, наивных иллюзиях касательно своего предназначения. Значит, ваше столкновение с ней неизбежно и рано или поздно случится. И если мерзавка первой доберется до членов вашего клана, то попытается уничтожить всех! Подумайте, Морган, насколько это опасно! Вы останетесь без соратников!

– Маги, вставшие на путь добра, обычно не так уж кровожадны. Хотя добро и зло часто неразделимы, и никто не знает, на что именно он способен, – сдержанно отвечал Морган, которого предостережения Реми нисколько не напугали. – Пока она не интересовалась делами нашего клана. И, похоже, даже не знает о нашем существовании.

– Это вопрос времени, Морган. И я не советую вам пребывать в беспечности. Я редко проявляю заинтересованность в сотрудничестве с кем-либо. Подобные альянсы не могут мне дать ничего в практическом плане – я предпочитаю полагаться на собственные силы и считаю самого себя лучшим своим союзником. Но сейчас не время для самолюбования. Я предлагаю вам союз, Морган. Союз против проклятой ведьмы. Необходимо обратить ее силу против нее самой. Но для этого к ведьме надо приблизиться, надо вступить с ней в контакт. И то, что она пока не знает о существовании вашего клана, пойдет только на пользу делу. Впрочем, я отвлек вас от действия. Прошу простить мою бесцеремонность. Не смею мешать. Но на досуге поразмышляйте о нашей беседе...

Морган молча поклонился и вышел на середину комнаты. Окружавшие его люди запели какой-то тягучий гимн на латыни. Глава клана бросил горсть сухих трав в дымящийся сосуд,

и по помещению пополз сладковатый дурманивший запах. Морган сделал знак, чтобы пение прекратили, в полной тишине выхватил кинжал и прочертил им в воздухе затейливый знак. Кинжал, в блестящем лезвии которого отражались лишь пляшущие огоньки десятков свечей, сам собой загорелся золотым светом.

Лучи, исходящие от кинжала, достигли хрустального шара, стоявшего на высокой подставке в центре комнаты. Шар тоже вспыхнул золотым огнем и завибрировал, озаряя помещение нежным светом.

– Мы готовы! – объявил Морган. – Введите нового посвящаемого!

Две фигуры, судя по порывистым движениям и смутным очертаниям тел под плащами – молодые женщины, выскользнули за дверь. Вскоре они вернулись и ввели молодого человека с завязанными черной повязкой глазами. С новичка сдернули плащ. Он был обнажен до пояса, словно на приеме у терапевта, хотя окружающая обстановка менее всего напоминала медицинский кабинет.

– Скажи, брат, ты по своей воле желаешь стать членом нашего клана? – спросил Морган.

– Да, – хрипло ответил новичок.

– Клянешься ли ты повиноваться и выполнять волю клана, не страшась и не колеблясь?

– Клянусь!

– Протяни руку! – последовал первый приказ. – И приготовься стерпеть боль.

Морган ударил по руке молодого человека кинжалом. Несильно, но из образовавшейся ранки тут же хлынула кровь. Глава клана подставил под капли крови новичка золотой кубок, в котором уже была чья-то кровь, и смешал их резким движением.

– Отныне ты связан с нами своей кровью, смешавшейся с кровью членов нашего братства. И тебе откроются тайны луны, земли и неба, воды и огня.

Молодой человек опустился на колени. Сэр Морган окунул палец в кубок с кровью и начертил на груди нового члена клана перевернутую пентаграмму, а потом поднес к пентаграмме огонек свечи. Юноша скрипнул зубами, но не закричал и даже не застонал от боли, хотя на груди у него обозначился сильный ожог.

– Крещен огнем и кровью, – с удовлетворением провозгласил сэр Морган. – Мы даем тебе новое имя. Отныне ты нарекаешься «Кармин». Но если ты предашь интересы нашего клана или причинишь вред кому-либо из его членов, то тебе придется заплатить за это собственной жизнью. Помни об этом! И добро пожаловать в новую семью, брат Кармин!

ГЛАВА 1

«Какой кошмар! Я провожусь здесь до утра!» – с тоской думала Маргарита, обозревая оставленный гостями беспорядок. Вечеринка в доме ее друга Романа Лунина, известного музыканта, недавно закончилась. На часах было начало третьего ночи.

Роман пошел провожать гостей, эгоистично предоставив Маргарите почетную обязанность привести дом в порядок. Ну что еще ждать от мужчины, даже если он рядится в обличие прекрасного принца? Раз уж она согласилась быть королевой этого бала, то и от обязанностей Золушки никуда не убежишь – это как две стороны одной медали.

Вообще-то с недавних пор такие незначительные проблемы, как уборка помещения, для Маргоши не существовали. Летом, после смерти бабушки, у Маргариты открылся самый настоящий магический дар. И хотя она пока не полностью освоила завещанную ей бабушкой «Книгу теней» – свод различных заклинаний и магических рецептов, такая простая вещь, как чары чистоты, удавались ей неплохо.

Но вот сегодня они, как назло, срабатывать не желали. Вроде бы Маргоша делала все как надо: и заклинание произносила правильно, и о визуализации не забывала, – но беспорядок вокруг как был, так и оставался. Столы, заставленные грязными тарелками, стаканами, блюдами с недоеденными закусками, переполненные пепельницы, смятые салфетки, чашки с кофейной гущей, огрызки яблок, банановая кожура и апельсиновые корки, валяющиеся где попало, пустые винные и пивные бутылки под столом и конфетные "фантики" на полу... Фу, какая гадость! Ни от каких заклинаний ничего не менялось к лучшему, и только казалось, что мусора становится еще больше.

Пришлось старым добрым способом, без всякого колдовства, таскать тарелки на кухню к раковине и мыть горячей водой, а мусор собирать в пакеты...

Наполняя мусором пятый по счету пакет, Маргоша задумалась: а почему, собственно, ее сегодня постигла неудача в творении чар? Заклинание несложное, она им уже не раз пользовалась и перепутать слова вроде бы не могла... Может быть, дело в том, что она в доме у Романа? Тут аура, что ни говори, непростая, все пропиталось разнородными магическими потоками, и, возможно, действуют какие-то неосознаваемые преграды и ловушки для чужого колдовства...

Но все равно странно – вот так, вдруг, ни с того ни с сего, потерять свой магический кураж? Колдунья – она ведь всегда колдунья, хоть дома, хоть в гостях, хоть в Африке или на Северном полюсе...

Может быть, она просто выпила сегодня чуть-чуть лишнего? Если алкоголь приводит к раскоординированности движений, то, может статься, и чары тоже получают с нарушенной координацией? Нет, все же пару бокалов легкого вина особым излишеством не назовешь. Правда, голова болит теперь просто невыносимо.

А если мигрень как раз и есть причина неудачи? Ну как можно качественно колдовать, если мозг буквально раскалывается на части и каждая клеточка отдается болью?

Хлопнула входная дверь. Это вернулся Роман.

– А где моя прекрасная сеньора? Где дивная Марго, краса московских берегов?

И запел что-то нежным голосом про эль корасон... В вольном переводе на русский – «сердце, тебе не хочется покоя»... Испанская кровь играет!

Ну вот, Роман уже поет ночную серенаду, а она так и не успела убраться в доме! Придется признаваться, что ее магия перестала действовать и даже простенькое очищающее заклинание ей сегодня не по зубам... Не привлекать же силу кольца Бальдра, для того чтобы перемыть тарелки, – слишком мелкая и оскорбительная задачка для такого могучего артефакта.

К тому же Маргоша вообще старалась не прибегать к помощи кольца без особой нужды: за все в жизни рано или поздно надо платить, и лучше не злоупотреблять магическими услу-

гами, если не знаешь их цену. Что именно и когда от нее потребуется – догадаться было невозможно, так что лучше проявлять осторожность.

И признаваться в собственной слабости Роману, который в кругах, причастных к магическому сообществу, был известен как алхимик, маг и чародей Раймундо Луллий (хотя за свою долгую и насыщенную событиями жизнь он отзывался и на многие другие имена), было стыдно.

Маргарита не любила жаловаться и просить о помощи, признаваясь в собственной слабости. Она знала, что с грехом пополам и так сможет справиться с большинством кризисных ситуаций, и пуще всяких бед боялась еще раз предстать полной дурой перед друзьями и коллегами по чародейскому цеху. И так уж это не раз случалось...

Конечно, ее всегда поддерживали и помогали выбраться из очередной передрыги, но зачем лишний раз подвергать испытанию дружеские чувства? А если уж придется когда-нибудь обращаться за помощью, лучше выглядеть в глазах своего окружения по возможности зрелой и уравновешенной колдуньей, а не истеричкой, всхлипывающей и стенающей над каждой магической неудачей. То, в чем можно признаться лишь себе, неприятно выслушивать от других в собственный адрес.

– Ты что, моешь посуду? – Роман застыл в дверях кухни. На его лице было написано такое удивление, что Маргоша рассмеялась.

– А что в этом особенного? – спросила она, откидывая мокрой рукой прядь волос со лба. – Я всю сознательную жизнь этим занимаюсь.

– Да, но... сегодня... мне показалось, ты так устала. Прости, дорогая, может быть, это такое женское хобби и тебе нравится заниматься традиционным домашним хозяйством, но магия существует в частности и для того, чтобы облегчить человеку жизнь.

Роман начертил пальцем некую фигуру в воздухе, простенькую, похожую на изогнутого червячка, и в доме в один миг все изменилось: тарелки и стаканы сами собой оказались в шкафах, причем абсолютно чистые; весь мусор исчез – ни фантика, ни банановой шкурки на сверкающих полах и подоконниках; стулья аккуратно расставлены по своим местам, а пепельницы не только опустели, но и благоухали нежными цветочными ароматами вместо пронзительного запаха табака и пепла от разнообразных окурков...

– А еще говоришь, что добрые дела редко тебе удаются, – улыбнулась Маргарита.

– Это дело не доброе и не злое, так, обычная гигиеническая процедура. Очищение жилища от чужой грязи. Вместе с мусором исчезают и негативные влияния, которые кое-кто постарался здесь оставить.

– У тебя очень ловко получилось.

– Навыки старого холостяка, – небрежно передернул плечами Роман. – За последние лет триста – четыреста в моих апартаментах ни разу не появлялась женщина, которой нравилось бы мыть посуду.

Маргоша тут же представила, как много женщин могло появиться в апартаментах Раймундо за «последние лет триста-четыреста», и ей чуть не стало дурно... Угрозило же ее связаться с испанским грандом, начинавшим свою карьеру при арагонском дворе в тринадцатом веке! Конечно, горячая кровь, куртуазные средневековые нравы, культ Прекрасной Дамы... Наверное, канонам строгой нравственности жизнь Раймундо отвечала только в тот относительно короткий период, когда он был монахом-францисканцем.

Да, похоже, история с бывшим мужем (с которым она, по роковому стечению обстоятельств, развелась как раз перед тем, как стала ведьмой, что, собственно, и подтолкнуло к переменам в жизни) ничему ее не научила... Игорь хоть и не гранд, не идадьго и не рыцарь, но по части куртуазности даст всем грандам большую фору. Женщину всегда привлекает определенный мужской тип, к сожалению. Или к счастью...

Чтобы отвлечься от своих раздумий на щекотливую тему, Маргарита решила вернуться к практическим вопросам:

– Ты мне потом покажешь еще раз этот знак магического очищения? У меня сегодня ничего не вышло, хотя я раз пять повторила очищающее заклинание.

– Видишь ли, сердце мое, заклинания вообще не дают стопроцентной гарантии успеха. Существуют разные степени магии. Первая, самая простая, – наведение чар при помощи заклинаний, наговоров и специальных предметов. Механически выучить текст какого-нибудь заклятия, сварить зелье, подбирая ингредиенты по составленному кем-то рецепту, или воспользоваться неким артефактом, – к примеру, шапкой-невидимкой, – может каждый начинающий чародей при должном усердии. И даже может при этом добиться приличных результатов, если он не без способностей. Многие на этом и останавливаются. Но, как я говорил, это всего лишь низшая ступень магии, магия дилетантов. Она далека от творчества, это просто ремесло. Вторая степень – умение колдовать при помощи невидимых знаков, которые ты чертишь в воздухе перстом или кинжалом athame...

Атаме, магический кинжал, у Маргариты был – бабушка оставила ей свой в наследство вместе с другим колдовским инвентарем. Но Маргоша еще не умела им как следует пользоваться – пока как-то не довелось.

– А третья степень, более высокая, – это колдовство при помощи силы мысли, – продолжал свою лекцию Роман. – Подобным искусством могут овладеть лишь избранные, но каждый чародей должен к этому стремиться, если желает преуспеть. Впрочем, стремление к совершенству бесконечно, и в магии, как в каждом искусстве, есть еще более высокие степени...

– Знаешь, общение с тобой равнозначно полному курсу не только практической магии, но и магической теории...

– Да нет, я плохой учитель, и более того, я плохой чародей. Когда-то у меня были ученики, но никто из них не добился настоящих высот. Вот и тебе я всеми силами стараюсь передать то, что усвоил благодаря своему долгому опыту, но, увы, моя собственная жизнь – плохая реклама для моих знаний.

Маргарита терпеть не могла, когда Раймундо заводил унылую песнь про собственные неудачи, и всегда старалась его отвлечь от подобных настроений. Эх, если бы он в свое время попал на прием к опытному практикующему психоаналитику, этот случай не был бы таким запущенным. Жаль, что в Средневековье при арагонском дворе психоаналитики не были популярны...

– Между прочим, американские психологи говорят, что человек не должен иметь отрицательного мышления и произвольно настраивать себя на негативную волну, – заметила она. – Нельзя говорить себе: я плохой специалист, я неудачник... Надо приучить себя руководствоваться позитивными образами, тогда все удастся.

– Забавная теория. Но я, признаться, не очень верю американцам с их новомодными веяниями. Древние знания индейцев во многом оказались утраченными, а искания населивших Америку европейцев лишены глубоких исторических корней. Первые конкистадоры устремились на завоевание Нового Света лишь в пятнадцатом веке. Я тогда был уже немолод, умудрен жизнью и взирал на американскую авантюру этих агрессивных мальчишек весьма скептически...

Маргарита постоянно забывала, что перед ней человек, родившийся в 1235 году. Надо сказать, для своего возраста он неплохо сохранился – больше 30—35 лет на вид никак не дашь... И к современной действительности он вполне адаптировался.

Гораздо приятнее воспринимать его как молодого человека и модного музыканта, чем как некое допотопное существо, выползшее из глубины веков. Маргоша любила историю, но все же... перед ней был человек, рожденный в первой половине тринадцатого века, и до конца осознать это было совсем непросто!

Когда Раймундо исполнилось семь лет и он спокойно рос себе на Майорке, где был его отчий дом, старший современник юного испанского гранда, русский князь Александр Невский

в далеком от Майорки Пскове разбил тевтонских рыцарей в ходе Ледового побоища... Они с Романом из одного времени! А ведь странно было бы представить, что можно влюбиться в Александра Невского! Впрочем...

У Маргариты есть одна знакомая валькирия (да-да, настоящая валькирия, дева-воительница со сложной судьбой и большим житейским опытом), которая была в свое время хорошо знакома с Александром Невским. Так вот, эта валькирия весьма восторженно отзывалась о русском князе («Такой был интересный мужчина, Санечка-то, это что-то! Шлем, доспехи, стать богатырская, взгляд орлиный, как на коне перед своей дружиной выедет, так женские сердца и замирают. И в бою был хорош...») и, похоже, была в него когда-то влюблена.

А Роман тем временем замолчал и тоже о чем-то задумался. Когда люди по-настоящему близки, они не только с удовольствием говорят, но и с удовольствием молчат рядом друг с другом... Если бы не дикая головная боль, Маргоша чувствовала бы себя сейчас почти счастливой.

– Ты начал рассказывать про конкистадоров, – напомнила Маргарита.

– погоди! Я постоянно упускаю самое главное. Что нам эти конкистадоры? Ты ведь, кажется, сказала, что твои чары не действуют? Хотя ты пять раз произносила заклинание...

– Вообще-то я не собиралась это обсуждать. Так, к слову пришлось, вот и проговорились. Не знаю, почему мои чары вдруг отказали...

– А ты ничего не перепутала, когда творила заклинание?

Маргарита почувствовала себя уязвленной: да, в магии у нее пока не такой обширный опыт, но все же обидно, когда тебя принимают за двоечницу из третьего класса.

– Я ничего не перепутала, – отрезала она. – Во всяком случае, предыдущие пятьдесят раз, используя чары чистоты, я все делала точно так же. И справлялась. Просто сегодня у меня страшно разболелась голова. Наверное, поэтому и чары мои не подействовали.

Роман вскочил на ноги. У него на лице была написана такая тревога, что Маргарите стало не по себе.

– Что за чушь? С головной болью ты должна уметь легко справляться. И на действенность заклинаний такой фактор, как мигрень, никак не влияет.

Роман протянул руки и сделал несколько пассивных движений в воздухе, проводя ладонями над головой Маргоши от макушки к вискам. От его рук шла волна тепла. Достигая кожи Маргариты, она слегка покалывала ее невидимыми иголочками и отступала, унося с собой боль. Казалось, что волосы Маргоши ерошит легкий летний ветерок. Вскоре никаких следов недомогания не осталось.

Маргарита почувствовала невероятное облегчение и одновременно страшную слабость. Ей захотелось уснуть. Но Роман не дал. Он почему-то нервно смотрел на ее шею.

– Ты сейчас похож на вампира! – улыбнулась Маргарита. – Примериваешься, как половчее меня загрызть?

– Где твой пентакль? – Роман словно и не услышал того, о чем она с ним говорит. – Где охраняющий пентакль, Маргарита?

Охраняющим пентаклем назывался старинный золотой амулет в виде заключенной в круг пятиконечной звезды, который покойная бабушка подарила Маргоше незадолго до того, как оставила этот мир. Она просила никогда не снимать это украшение, и Маргарита до сего дня исполняла ее просьбу, но вот сегодня... Цепочка с амулетом оказалась некстати. Маргарите хотелось, чтобы ее наряд был дорогим и изысканно-простым – черное вечернее платье с большим декольте и бриллиантовое кольцо на шее, строгое по форме, но с хорошими камнями. Минимализм в эстетике дает потрясающий стилистический эффект.

А если из-под кольца выглядывает еще одна золотая безделушка, это уже явный перебор и как-то не комильфо... Но как объяснить это Роману? Мужчины такие вещи никогда не понимали!

– Я временно сняла пентакль. Он не гармонировал с моим нарядом и вообще...

– Ты сошла с ума! – заорал Роман.

Маргарита хотела было обидеться: еще не было такого случая, чтобы он беспардонно повышал на нее голос. Вот вам и рыцарь арагонского двора! Нет, все мужчины одинаковы – что средневековый рыцарь, что нынешний хам. Но от таких мыслей она тут же почувствовала себя виноватой: он ведь за нее тревожится, а она сделала что-то не так и дала ему повод для беспокойства.

– Ромочка, не сердись! Я ведь сняла пентакль ненадолго. Только на сегодняшний вечер.

– Ты не должна была этого делать! Пентакль – самое важное звено в системе твоей магической защиты. И, Удалив это звено, ты разомкнула всю цепь. Немедленно верни охраняющий пентакль на место и никогда его не снимай.

Расстроенная Маргарита взяла свою сумку и залезла в карманчик, где был спрятан бабушкин амулет.

Ни охраняющего пентакля, ни цепочки, на которой он обычно держался, в сумке не было.

Вместо амулета Маргарита вытащила из карманчика кусок ярко-красной ленточки, завязанный узлом. Откуда она здесь взялась? Что и говорить, это был совершенно неожиданный и... неприятный сюрприз.

Маргоша растерянно держала ленточку в руках и чувствовала, как возвращается головная боль – ее голову словно сжимал стальной обруч.

Роман взял Маргариту за руку и выхватил у нее алую ленточку. В глазах у Маргоши потемнело, и она провалилась в какую-то вязкую мглу...

Ей показалось, что очнувшись она через пару секунд, но обнаружила себя сидящей в темной комнате у магического алтаря, возле которого, величественный, словно древний жрец, возвышался Раймундо в темной мантии. Перед ним стояла «каменная чаша» – грубый кусок гранита, обтесанный волнами и побитый ветрами, с очень глубокой природной выемкой в центре, по размеру похожей на миску для салата. Гранитную чашу, найденную где-то в горах Шотландии в те времена, когда Раймундо служил при дворе английского короля Эдуарда III в качестве алхимика, астролога и чародея, он часто использовал в магическом ритуале «огня и камня», но сегодня все было как-то серьезнее и страшнее, чем обычно. Маргоша еще никогда не видела, чтобы ее друзья колдовали с выражением такого мрачного отчаяния и одержимости.

Раймундо бросил в чашу три щепотки порошка – белого, черного и желтого. Смешавшись, они вспыхнули языками яркого пламени. В огонь маг швырнул алую ленточку. Вопреки физическим законам она не загорелась и даже не начала тлеть, хотя ее лизали огненные языки. Но корежилась и извивалась она, как живое существо. Маргарита почувствовала запах серы... Только бы Раймундо не вернулся к черной магии! Он снова скатится в пропасть!

Маг протянул руку к Маргоше, взмахнув широченным рукавом мантии, и произнес:

– Внимай мне! Я разрушаю чары! Алая магия больше не имеет над тобой власти!

Его голос показался Маргарите чужим и идущим откуда-то издалека. Но ей вдруг стало легко, словно нечто давящее упало с ее души. И тут бьющаяся в огне, завязанная в тугий узел ленточка вдруг сама собой развязалась, вытянулась и вспыхнула ярким пламенем.

А Раймундо повернулся лицом на север, плеснул в гранитную чашу воды из старинной бутылки темного стекла и установил в центре этого озерца черную свечу.

Черная свеча не понравилась Маргарите и снова породила у нее какие-то смутные подозрения...

Черные свечи невольно ассоциировались с черной магией, а ведь свои беды Раймундо приписывал именно тому, что когда-то осквернил свою душу этим занятием. Неужели он взялся за старое?

Но все же Маргоше очень хотелось доверять Раймундо. Прислушавшись к своему внутреннему голосу, она решила, что доверять ему все-таки можно.

– Мангашар! Дайанашира! – провозгласил маг (это были «слова силы» древнего обряда друидов, призывающие на помощь духа всех рожденных животных, духа ветра и дождя и еще парочку духов попроще. – Тумуг! Урскумог!

Тут пламя свечи запылало так, словно в гранитную чашу был установлен факел, а не свечечка с тоненьким фитильком... Раймундо мрачно уставился на огонь. Он умел видеть в пламени то, что хотел, и то, что ему было необходимо увидеть и узнать. Маргарите для этих целей приходилось пользоваться волшебным зеркалом, да еще и активировать это зеркало силой кольца Бальдра.

Ей было ужасно интересно, что же такое Раймундо видит в пламени, но нельзя было отвлекать мага своими вопросами от ритуала...

Только когда обряд завершился, Маргоша осмелилась поинтересоваться, что же Раймундо удалось узнать. Вопрос она облекла в шуточную форму, чтобы хоть немного разрядить мрачную атмосферу, сгустившуюся в этот вечер в доме гитариста Лунина.

– Слава победителю барабашек и истребителю красных бантиков! Ну как, много ли ты разглядел в огоньке свечи?

– Меньше, чем хотелось бы, – устало выдохнул он, проводя ладонью по глазам, уставшим от созерцания пламени. – Ясно, что это был не случайный воришка, польстившийся на то, что плохо лежало, и прикарманивший золотую безделушку. Похоже, кто-то предпринимает против тебя активные враждебные действия. Я попытался вызвать сцену похищения твоего пентакля, и она предстала передо мной в пламени... Но я не смог разглядеть лицо вора – он все время оборачивался лишь темной тенью. Значит, этот человек обладает сильной магической защитой. И то, что он оставил в твоей сумке, свидетельствует об использовании алой магии, доступной лишь посвященным.

– Алой магии? – удивилась Маргарита. – Я прежде никогда не слышала о разноцветных магиях, все как-то манипулируют понятиями черной и белой магии, не обращаясь к цветам солнечного спектра...

– Тебе еще много предстоит узнать, уважаемая сеньора, – усмехнулся маг. – Черная и белая магия – это, по сути, разный подход к магическому действию. Черные маги действуют при помощи темных сил, сил зла, которые им удастся подчинить своей воле или с которыми удастся вступить в союз... И вся их воля направлена на достижение эгоистических целей: богатства, власти, силы, исполнения собственных капризов, – но все это лично для себя и в ущерб другим. А белый маг служит добру и приводит свою волю в гармонию с космической волей Вселенной. Поэтому к нему на помощь приходят позитивные природные стихии и духи добра. А магия спектральных цветов означает лишь техническую сторону – на какой практической основе построено твоё колдовство, доброе либо злое. Алая, или красная, магия – магия огня, которую черные маги усиливают еще и обрядами с кровью, тогда как белым магам достаточно лишь природной силы пламени. Зеленая – растительная магия, волшебство при помощи цветов, деревьев и трав; голубая – магия воды; желтая – солнечного света; фиолетовая – магия ночи, магия мертвой, кладбищенской энергии... Ну и так далее. Когда ты обнаружила в своей сумке алый узелок, я сразу догадался, что кто-то пытается связать твои силы и лишить тебя магической энергии. А все, что было сотворено при помощи огня, огнем и уничтожается...

– Да, но почему ты использовал в обряде черную свечу? Неужели ты снова вернулся к практике черной магии?

– Дорогая, ну сколько можно меня этим попрекать? Я обратился к практике черной магии много веков назад в минуту горького отчаяния и до сих пор несу за это суровое наказание... Всю оставшуюся жизнь я пытаюсь смыть с себя печать черного мага. Неужели же теперь, когда мне стало намного легче, я снова вернусь к этой практике и окончательно погублю свою душу?

– Но ведь черная свеча...

– Свеча соответствует канонам друидической магии, а друиды не делили магию на черную и белую... Просто для этого обряда нужна свеча, сделанная из воска, который смешивается с одним из самых обычных природных компонентов – измельченными косточками садовой сливы, или корой терновника, или на худой конец травой таволги. Любой из этих компонентов придает воску черный цвет, но, согласись, сливовые косточки вовсе не то средство, при помощи которого служат духам зла. Надеюсь, теперь ты перестанешь тревожиться и твои мысли вернутся к практическим делам? Попробуй заставить свой амулет вернуться к тебе.

– Как?

– Путем обычной трансматериализации. Пусть твой охраняющий пентакль исчезнет в том месте, где он сейчас находится, и явится здесь у нас. Ну же, прикажи ему – проверим, полностью ли восстановились твои силы. Я не уверен, что после первого же обряда ты сможешь полностью восстановиться, – придется пройти длительный, как бы выразиться поделикатнее, курс лечения...

Маргарита протянула руку и мысленно сосредоточилась на своей цели – пусть бабушкин подарок, предназначенный для защиты ее единственной внучки от всех вражеских воздействий, снова будет здесь! Пусть он вернется к своей хозяйке!

Трансматериализация, которую Маргарита давно освоила и не раз с успехом использовала, сегодня тоже далась нелегко. Пришлось раз пять начинать все сначала, пока она не почувствовала, как в ладони шевельнулось нечто металлическое, и крепко сжала кулак.

Увы, рассмотрев то, что удалось вернуть, Маргарита чуть не расплакалась: это была только цепочка, на которой прежде висел охраняющий амулет, но самого амулета не было... Какой-то сильный маг успел защитить украденный пентакль от ее поплзновений вернуть себе свою собственность.

– Мне сегодня ничего не удастся, – пожаловалась Маргарита, забыв о собственных рассуждениях о силе позитивного мышления.

– Кольцо, – подсказал Раймундо. – Призови силу кольца!

Да, хочешь не хочешь, а к кольцу обращаться придется – самой ей сегодня не справиться.

– Со мной сила Бальдра! – громко прокричала Маргарита. – Мой украденный амулет, где бы ты ни был и в чьих бы руках ни находился, заклинаю тебя мощью кольца «Драупнир», силой Небес, светом Солнца, сиянием Луны, блеском Огня, скоростью Молнии, быстротой Ветра, глубиной Моря, непоколебимостью Земли, твердостью Камня – вернись к своей хозяйке!

В комнате завертелись вихри, распахнулась и захлопала оконная рама, замигали свечи, то разгораясь ярче всех допустимых пределов, то затухая почти до полной тьмы. Все более-менее легкие предметы, подхваченные порывом ветра, поднялись в воздух и понеслись в безумном хороводе, особую пестроту которому добавляла рассыпавшаяся колода карт таро.

Раймундо еле устоял на ногах, а Маргариту вихрь отшвырнул к стене, и она осела на пол, закрыв лицо руками... Но тут же рядом с ней что-то пролетело и звякнуло, упав на низкий столик. Ветер сразу стих, и наступила странная, какая-то давящая тишина...

Маргоша осторожно приоткрыла глаза. Вокруг царил страшный беспорядок, все вещи были сдвинуты и сброшены со своих мест и валялись где попало. При этом Цели своей пусть и с помощью кольца, но Маргоша все же достигла – ее пентакль лежал рядом с ней на столике черного дерева. Но в ушко амулета, приспособленное для вдевания цепочки, была протянута еще одна красная ленточка, завязанная узлом.

– Моя магия подействовала! Роман, моя магия подействовала – амулет вернулся!

Обратиться к магу можно было, используя разные имена, но Маргарита все же предпочитала его подлинному, громоздкому средневековому имени имя, распространенное в современном мире и потому привычное слуху. Хотя... композитора Паулса ведь зовут Раймонд, почти то же самое, что и дон Раймундо, и никто из друзей композитора еще язык себе не сломал.

Роман-Раймундо наконец вышел из столбняка.

– Как ты догадалась использовать защиту святого Патрика для усиления магии кольца?

– Защиту святого Патрика? Похоже на название шахматного приема. Знаешь, мне и в голову не приходило что-то специально использовать... Так, сами собой вырвались какие-то слова, у меня это иногда бывает. Моя бабушка считалась сильной ведуньей, но она почти ничему не успела меня научить. Хотя и утверждала перед смертью, что передает мне свою силу. Видимо, ко мне все же пришло нечто неосознанное, не то силой внушения бабушки, не то из глубин генетической памяти выплыло. Но иногда, в критических ситуациях, какие-то заклинания и магические формулы вдруг сами наворачиваются мне на язык.

– Тебе следует как-то фиксировать эти экспромты. Вдруг еще когда-нибудь придется их воспроизвести. Сегодня ты использовала редкое сочетание двух разноплановых магий. Кольцо Бальдра – могучий артефакт, пришедший из глубин скандинавского язычества, а защита святого Патрика – заклинание позднедруидической школы Британских островов, уже периода распространения христианства. Обычно никому не приходит в голову соединять столь несоединимое... Но магический эффект получился весьма интересным.

Как старый алхимик и исследователь наследия друидов Раймундо был прежде всего ученым, хотя сам он себя считал в первую очередь куртуазным рыцарем. Однако вечное стремление подвергать все явления научному анализу плохо сочеталось с куртуазностью. Еще хуже, чем наследие Бальдра, языческого бога весны и света, с творчеством святого Патрика...

– Ты бываешь таким страшным занудой! Главное, что пентакль вернулся!

Маргарита протянула руку, чтобы взять свой амулет, но Раймундо остановил ее:

– Подожди, ты забываешь про алое колдовство!

Да, к амулету ведь и вправду была привязана ленточка...

– Ну так сделай с ним что-нибудь, – попросила Маргоша. – Не век же на него любоваться!

Ответ был достоин истинного алхимика.

– Мне не хватает информации для принятия грамотного решения, – рассеянно сказал Роман и погрузился в глубокую задумчивость.

И тут в комнате вновь закрутился вихрь...

ГЛАВА 2

У Маргариты сжалось сердце – вдруг алая магия притянула к ним какую-то опасную дрянь? А они, проявив полное легкомыслие, развязали дурацкую дискуссию, вместо того чтобы нейтрализовать чужое негативное влияние!

Но вихрь был кратковременным и совсем не агрессивным. Он быстро растаял, оставив вместо себя бодрую пожилую даму в голубом медицинском халате.

– Бонжур, молодые люди, – поприветствовала она Раймундо и Маргариту, кокетливо поправляя седые кудряшки. – Пардон, что я без приглашения и даже без стука, но, полагаю, обстоятельства меня извиняют. Как я понимаю, ситуация сложилась экстраординарная! Мистификасьон какой-то! Ой! Проклятье!

Дама схватила за поясицу и потребовала, чтобы ей немедленно предоставили стул, а еще лучше мягкое кресло.

– О моя поясица, о мои ноги, – застонала она, как только Маргоша материализовала для нее старомодное кресло с высокими подлокотниками, обтянутыми тканью в цветочек, и с уютной вышитой подушечкой на сиденье. – Как тяжело в моем возрасте трансфигурироваться! При моих-то больных суставах – такие чрезвычайные нагрузки на организм. Вам, молодым, этого не понять...

Кому-то могло бы показаться странным, что эта дама объединяет понятием «молодые» Маргариту, находящуюся в блаженном промежутке между двадцати- и тридцатилетием, и рожденного в тринадцатом столетии испанского идадьго... Но близкие люди знали, что дама, известная как Нина Семеновна Шумская, участковыи терапевт из районной поликлиники, на самом деле Нининсина, богиня целительства и врачевания, пришедшая из Шумерского царства, и, поскольку живет она на этом свете уже не первую тысячу лет, все те, кто не справил еще и тысячелетнего юбилея, кажутся ей зеленой молодежью. Маргошина бабушка была в большой дружбе с Нининсиной и перед смертью завещала ей заботиться о единственной внучке и во всем начинающей ведьме помогать. Тетя Нина свято соблюдала волю усопшей и во всех сложных ситуациях кидалась Маргарите на помощь.

Вот и сейчас, ее и позвать не успели, а она уже тут как тут.

Немного отдышавшись, Нининсина извлекла из старомодного кожаного медицинского саквояжа (с какими посещали своих пациентов доктора во времена расцвета врачебной карьеры Антона Павловича Чехова) несколько колбочек с зельями. Для начала она смешала по паре капель из каждой колбы и залихватски хлопнула мензурку полученного коктейля. Потом, со словами «Ну отпустило маленько!», принялась готовить в лабораторных склянках какую-то страшную дымящуюся зеленую смесь, подливая разные зелья, помешивая, подсыпая душистые порошки и шепча заклинания...

– Ну вот, – удовлетворенно произнесла она наконец, встряхивая колбу и любуясь результатом своих трудов. – Кажется, получилось...

И тут Маргошин амулет сам собой поднялся в воздух, покружился над колбой и нырнул в зеленое зелье, вспыхнувшее ярким огнем. Маргарита и Роман заворуженно смотрели, как колба окуталась густым дымом... Казалось, она вот-вот взорвется прямо в руках у старой целительницы.

Но дым быстро рассеялся, огонь затух, бурлившая в колбе жидкость становилась все светлее и прозрачнее, и вскоре стало хорошо видно, как алая ленточка темнеет, сжимается и растворяется без остатка. Зато золотой амулет засверкал так ярко, словно его кто-то начистил пемолоксом.

– Я всегда говорила, что грамотное использование сильной зеленой магии может нейтрализовать любой вред от алых заклятий, – удовлетворенно заявила Нининсина. – Надеюсь,

к твоему амулету, деточка, теперь вернутся все его свойства. Однако во всей этой истории есть нечто такое, что мне очень не нравится... Заварите-ка мне крепкого зеленого чая. Нужно посидеть и спокойно подумать о том, что случилось.

За столом Нининсина и дон Раймундо перебрасывались непонятными фразами, погружаясь время от времени в долгую задумчивость и замолкая, а Маргарита растерянно переводила взгляд то на своего верного рыцаря, то на почтенную даму, пытаясь разобраться, каким же образом они намерены решить ее судьбу.

– Окончательно и без всяких последствий развеять чары может только тот, кто их наложил, – рассуждал Роман. – Как мы ни старались, полностью вернуть Маргарите магическую силу не смогли...

– Не будь таким пессимистом, благородный дон, – возразила Нининсина. – Конечно, быстро ликвидировать весь негатив, оставленный чужими чарами, трудно, тут потребуется длительный курс восстанавливающей терапии... Могут произойти рецидивы. Но я добивалась хороших клинических показателей и в более запущенных случаях.

– Но время, время! Вы, почтенная сеньора, будете заниматься длительным магическим лечением, а Маргарита, пока суд да дело, окажется уязвимой для повторных атак.

– Да, такое случается. Бывает, я восстанавливаю силы, а некто злонамеренно забирает их снова и снова. В такой ситуации невольного донора магической энергии поджидает большая опасность. Он некоторым образом превращается в сосуд, если не сказать – в классический бассейн с двумя трубами из задачника математики; магическая энергия одновременно вливается в него и выливается вовне, а это приводит к страшной опустошенности... Но ведь всегда можно решить вопрос радикально.

Маргарита вздрогнула: слова о радикальном решении вопроса прозвучали как-то зловеще. Однако ей никто так ничего и не объяснил, оставив мучиться от неудовлетворенного любопытства.

– Вы говорите об эффекте границы миров? – спросил Раймундо.

– Именно, – сказала Нининсина, подливая себе чая, и вновь задумалась. – С одной стороны, за любым порталом, ведущим в *иное*, рушатся наложенные *здесь* чары, а с другой стороны, *иное* – все же какое-никакое укрытие от повторных атак. Я бы посоветовала в качестве иного мира Камелот. Тихое безопасное место. И как я говорила, само по себе пересечение границы миров уничтожит остаточные явления враждебного воздействия и развеет следы алой магии.

Раймундо молчал.

– Путешествие в любом случае необходимо, – снова заговорила целительница. – Рано или поздно нашей милой Маргарите все равно пришлось бы пройти это испытание. Так почему бы не сейчас, раз уж обстоятельства подталкивают? Нес па?¹

Нининсина хорошо помнила, что дон Раймундо – испанский гранд, и, чтобы сделать ему приятное, вставляла в свою речь иностранные слова, как она полагала, родные для идадьго, путая при этом испанский язык с французским. Что поделать; возрастная рассеянность – прожитые тысячелетия стали сказываться...

– Излишне торопиться с испытаниями не следует, достопочтенная сеньора, – отозвался бывший арагонский дворянин. – И позвольте с вами не согласиться в том, что это такое уж милое местечко. Замок Камелота тоже весьма опасен. И не столько сам по себе, хотя и там можно встретить неизвестно кого и стать жертвой чьих-то злокозненных действий... Но самое страшное для новичка – бесконечные порталы, особенно блуждающие порталы... Немногие удерживаются от соблазна шагнуть в неведомое. А что там дальше – вечный путь в никуда и затерянность в мириадах миров?

¹ Не так ли? (Искаж. *фр.*)

О чем они говорят? Блуждающие порталы... Камелот... Стоп. Камелот?! Это же место обитания короля Артура и рыцарей Круглого стола! Неужели ее собрались забросить в раннее Средневековье? Маргарита уже давно перестала чему бы то ни было удивляться – столько чудес происходило вокруг, но к путешествиям во времени она совершенно не была готова.

– Старина Мерлин не допустит, чтобы Маргариту преследовали в его владениях, – рассуждала между тем Нининсина. – Я с ним свяжусь и объясню ситуацию. А сама Маргоша – разумная девочка, не склонная к бесшабашным авантюрам. Зачем ей совать нос в чужие порталы?

Мерлин? Ну конечно же это придворный маг короля Артура! Сейчас парочка премудрых чародеев отправит ее куда-то в глухие и темные времена. Такие приключения кажутся забавными только в книге «Янки из Коннектикута при дворе короля Артура», написанной Марком Твенном. А вот в реальной жизни...

Нет-нет, Маргарита не согласна на подобную авантюру (недаром тетя Нина подметила, что она к авантюрам не склонна), лучше уж здесь, в Москве, в родных пенатах бороться со всеми алыми ленточками (не такие уж они и страшные!) и злыми колдунами.

– Полагаю, с путешествием в Камелот не надо затягивать. – Как всегда, приняв важное решение, Нининсина готова была бросить все силы на его исполнение. – Пусть Маргарита побыстрее избавится от остатков чужеродных чар, это только на пользу. А ты, дружок Раймундо, займись пока любителями алой магии – хорошо бы отбить им руки, чтобы в другой раз колдовство напускать неповадно было.

– Мне тяжело расстаться с Марго и отпустить ее навстречу испытаниям и опасностям, – отвечал благородный кабальеро. – Я желал бы сопровождать ее.

– Что расстаться тяжело, это я, друг мой, очень даже хорошо понимаю. Но беды большой не вижу, прости великодушно. Общение с красавицами доставляет удовольствие лишь в тех случаях, когда достигается через преодоление препятствий. Так-то вот, юноша. Только если Маргарита пересечет границы нашего мира, где действуют присущие ему магические законы, мы сможем быть уверены, что алая магия не принесет ей вреда. Мы сделали все, что могли, чтобы избавить ее от враждебных чар, остальное – под властью сил, более могущественных, чем наши. Ну что ж, вы тут прощайтесь, не смею мешать. А я, с вашего позволения, сейчас направлюсь к старику Буртининкасу. В этом деле без него не обойдешься. Маргоша, детка, утром я буду тебя ждать в доме у деда Буртининкаса. Оттуда ты в путь и отправишься.

Маргарита, которая долго молчала, решила, что пора уже подать голос. А то ведь оглянуться не успеешь, как тебя засунут в какую-то мрачную дыру.

– Господа хорошие, вы все уже решили, все обсудили, а моим мнением забыли поинтересоваться. Тетя Нина! Я вовсе не намерена перемещаться в Средние века... Я там не приживусь! Я современный человек, мне нравится в двадцать первом веке...

– Голубушка, ну что за глупости? Тебя никто не собирается отправлять в Средние века. Там, куда ты отправишься, со времен Средневековья сохранились лишь некоторые традиции и обряды, но это, на мой взгляд, придает жизни определенный шарм. Чувствуешь надежность, устойчивость, появляется ощущение, что ты ближе, так сказать, к корням, к истокам. Здесь, в России, люди совершенно бездумно утратили старые традиции, а теперь, как мне кажется, сильно об этом жалеют. Впрочем, сейчас не об этом. Я тебе предлагаю путешествовать не столько во времени, сколько в пространстве. Тебе ведь интересно было бы съездить ненадолго в другую страну, не так ли? В качестве туриста? Ну вот, это и будет путешествием в другую страну, малоизвестную земному сообществу. Что делает твой вояж еще более увлекательным и экзотическим. Видишь ли, у землян и жителей Камелота корпи общие, и лишь обстоятельства загнали это королевство в иной мир...

– Как это? – не поняла Маргоша.

Ей-то всегда казалось, что Камелот – сказочное место, населенное древними рыцарями, любящими заседать у Круглого стола, и существует оно лишь в некоем вымышленном мире. То есть вообще не существует, а выдуманно исключительно для использования в рыцарских балладах, куртуазных романах и новомодных вещицах в стиле «фэнтези».

Оказалось, что Камелот существует в действительности, только в ином измерении. Это другой мир, вернее один из множества других миров, развивающихся одновременно, но в разных плоскостях, каждый сам по себе. Причем Камелот, место сосредоточия магической энергии, расположен как раз на перекрестке разных измерений.

Роман вместе с тетей Ниной наперебой принялись объяснять Маргарите суть дела. Но сами по себе эти объяснения были такими невероятными...

Маргарита почувствовала, что она не в состоянии до конца осознать подобную информацию, и честно призналась:

– Я не могу этого понять.

Нининсина не удивилась.

– Ну и не мучай себя. Это надо просто знать настолько твердо, чтобы и не пытаться понять. Понимание придет само собой и позже. Ты же не пытаешься понять, к примеру, как именно живут австралийские аборигены в Южном полушарии, где жизнь совершенно не похожа на нашу. Ты просто твердо знаешь, что они там есть, и тебе этого вполне достаточно. Насколько я представляю, тебе там должно понравиться. Там много занимательного. Если бы у меня не было так много обязанностей в этом мире, я и сама бывала бы там чаще...

И тетя Нина пустилась рассказывать о Камелоте в том стиле, в каком подают материал туристические путеводители, рассчитанные на заманивание легковых простачков в дальние страны.

– Там всегда хорошая погода – немного теплого дождя, необходимого для посевов, и все... Ни бурь, ни ураганов, ни землетрясений. Могучие леса сказочной красоты, чистейшие реки и озера, живописные горы. Вам, современным москвичам, такая экология и не снилась. В ручьях форель по четверть иуда весом, и ловить ее можно чуть ли не руками. А какая архитектура, какие замки и города – там никогда не сносили старинные постройки, их заботливо берегли. Старый Мерлин как-то говорил мне...

Похоже, для нее Камелот был открытой книгой. И в замке Мерлина, представителя династии знаменитых чародеев, она считалась своим человеком.

Как оказалось, когда-то Мерлин Первый действительно был придворным магом короля Артура. После того как Артур умер бездетным и сменивший его на троне рыцарь Ланселот тоже, Мерлин путем политических интриг сам занял престол Камелота, превратив королевство в оазис магических знаний. По сам он, как известно, был навеки усыплен собственной ученицей, коварной Вивианой.

Впрочем, на традициях и нравах Камелота это почти не сказалось – Мерлин Второй продолжал править в духе отца. Когда же цивилизация, а вместе с ней и религиозные фанатики, имевшие дурную привычку сжигать людей на костре, стали наступать на затерянное в глуши крохотное королевство, Мерлин Второй, унаследовавший магическую силу предков, перенес свои земли вместе с подданными в параллельное измерение, сделав Камелот недоступным для непрошенных чужаков.

Картография в те времена еще не добилась заметных успехов, путешественники, бывающие в дальних странах, измерялись единицами... Может быть, каких-то древних знатоков географии и удивило изменение береговой линии Туманного Альбиона и исчезновение маленького королевства, населенного немногочисленным, но гордым народом. Однако ощущения глобальной катастрофы, оттого что Камелот вдруг куда-то запропастился, в мире не возникло.

А жители Камелота оказались в закрытом для непосвященных, зачарованном мире, где и процветали и под мудрой дланью короля Мерлина Второго. И до сих пор процветают. А

поскольку такие могучие чародеи, как члены династии Мерлинов, живут на свете лет по триста – четыреста, с тех пор в Камелоте сменилось только пять правителей, и на троне сейчас Мерлин Пятый, чудаковатый и рассеянный король-чародей. Замок Мерлина – местечко само по себе весьма интересное, с сюрпризами, и тетя Нина оптимистично выразила уверенность, что Маргоша будет и от замка, и от всего королевства в восторге.

Маргарита не могла разделить ее уверенность до конца.

– Меня как-то врасплох захватила ваша идея о путешествии в Камелот, – продолжала упорствовать она. – Мне трудно принять решение...

– Тебя уже нельзя назвать захваченной врасплох, скорее подхваченной неудержимым потоком. Сама судьба ведет тебя к Мерлину, – возразила Нининсина. – Не упрямясь, ты же знаешь, что мы с доном Раймундо не желаем тебе зла... Ты ведь не хочешь, чтобы вдруг самым неожиданным образом сказались остатки алых чар? Или чтобы чародеи, наставшие их на тебя и установившие астральный канал воздействия, повторили свой опыт? Нужно принять меры для собственной защиты.

– А мне не придется провести остаток жизни, скрываясь от алых магов где-то в иных мирах? – Маргарита задала этот вопрос уже для проформы, понимая, что готова сдаться.

Но нельзя же было согласиться вот так сразу...

– Не волнуйся, – отозвался Роман. – Я постараюсь побыстрее разыскать этих любителей алого цвета и внушить им мысль, что о твоей безопасности есть кому позаботиться.

– И почему ты так много со мной возишься?

– У меня в жизни было немало проблем, вызванных моим невниманием к людям, поэтому я стараюсь по возможности просто быть равнодушным. Ты ведь не находишь ничего странного в том, что я считаю себя обязанным привести в норму душевный покой моей ученицы?

Конечно, ничего странного в этом не было. Но, задавая свой вопрос, Маргарита рассчитывала в ответ услышать что-нибудь более романтическое... О любви, например.

Уснуть в эту сумасшедшую ночь Маргарита так и не смогла. Слишком много всего случилось (и еще больше ожидало ее в ближайшее время), чтобы теперь спокойно свернуться комочком под теплым одеялом и закрыть глаза.

В полутьме она вглядывалась в лицо Романа, словно хотела задержать эту картинку в своей памяти навсегда, и думала о том, как не хочется расставаться... За те полгода, что они были вместе, эта была первая серьезная разлука, к тому же непредсказуемо долгая. Нет, Роману, конечно, приходилось пару-тропку раз оставлять ее, уезжая на гастроли. Но ведь одно дело съездить на три дня в Киев, а другое – удалиться куда-то в иные миры... Тем более удалялась на этот раз Маргарита. Совсем недавно у нее было ощущение, что жизнь наконец стала спокойной и благополучной – и вот вдруг все пошло прахом. От хрупкого благополучия не осталось и следа, а впереди были лишь нелегкие испытания...

Маргоше было так тоскливо от навалившихся тяжелых предчувствий, что слезы сами собой навернулись па глаза.

Роман, который вроде бы крепко спал, тут же приподнял голову.

– Почему ты плачешь, душа моя? – ласково спросил он. – Все плохое уже позади...

– Неправда! Мне так грустно! Я не хочу расставаться с тобой, не хочу отправляться неведомо куда и не хочу, чтобы мне подбрасывали мерзкие красные бантики! Почему со мной вечно происходят какие-то кошмарные вещи, ломающие мою жизнь?

– Ну что ты! – Роман ласково обнял ее за плечи. – Разве это называется «кошмарные вещи»? Это всего лишь мелкие неприятности. Тебе следует научиться справляться с ними, дорогая, нельзя же всю жизнь прятать голову под крыло! Так ты никогда не сможешь стать сильной колдуньей, моя прекрасная донна!

– Значит, вы с тетей Ниной затеяли мое путешествие исключительно из педагогических соображений? Решили закалять мой характер? И ты вот так, равнодушно, кинешь меня навстречу всем опасностям и неприятностям и будешь со стороны наблюдать, смогу ли я с ними справиться?

– Нет, не равнодушно! Я всегда приду тебе на помощь и в этом мире, и в любом другом! Не бойся, сделай шаг к новой жизни...

Да, похоже, от этого неведомого Камелота отвернуться ей не удастся... Одно должно утешать – Роман придет ей на помощь, если, конечно, успеет вовремя, с его-то везением! Ладно, что толку вот так терзать его, вымаливая несбыточные или полунесбыточные обещания!

Глупо было надеяться, что она сможет долго наслаждаться спокойной жизнью, раз уж довелось стать ведьмой! И все же... Все же Роман принял предложение отправить Маргариту в Камелот с какой-то подозрительной готовностью. Вдруг он мечтает от нее избавиться?

М-да, пожалуй, об этом лучше не думать. А то до такого можно додуматься!

– Знаешь что? Раз уж мы не спим, давай разожжем камин и посидим рядышком у огня, – предложила она. – В неведомых мирах, куда вы меня спроваживаете, мне будет о чем вспомнить...

– У меня есть более интересное предложение, – ответил Роман, сгребая Маргариту в крепкие объятия. – Я, кажется, знаю, о чем ты там будешь вспоминать...

Что и говорить, целоваться арагонские гранды умели – им были ведомы какие-то средневековые хитрости, к несчастью, почти утраченные к нынешним временам. Во всяком случае, современные мужчины благородному дону сильно проигрывали по этой части...

– Вообще-то, если тебе так хочется, можно заняться этим и у камина, – прошептал Роман, когда они наконец оторвались друг от друга.

– Можно. По на самом деле камин тут вовсе и не обязателен, – ответила Маргарита, которой уже удалось отвлечься от грустных мыслей.

ГЛАВА 3

Эрик Витольдович Буртининкас (считавшийся в те относительно недавние времена, когда и паспортах еще фигурировала графа «национальность», литовцем) был похож па обычного пенсионера из итээров – ничем не примечательного, побитого жизнью, в меру ворчливого, но при этом вполне интеллигентного старичка с чувством собственного достоинства.

Вот только год рождения во всех его документах имел обыкновение каким-то загадочным и даже мистическим образом от случая к случаю меняться. Соответственно, сами собой менялись и документы, отражающие жизненный путь почтенного пенсионера. Когда-то считалось, что Э.В.Буртининкас был рожден в 1895-м году и являлся ветераном Первой мировой войны. Потом он оказывался рожденным в роковом 1905-м и мог претендовать лишь на лавры героя Гражданской, да и то воевавшего в шестнадцатилетнем возрасте (что, впрочем, не было редкостью) и лишь в финальных ее битвах. По прошествии времени выяснялось, что па самом деле товарищ Буртининкас родился в 1917-м, к началу Гражданской войны не достиг еще годовалого возраста и в Красную армию быть призван никак не мог по причине малолетства и проживания в независимой Литве. Далее год рождения Буртининкаса менялся на 1925-й, 1933-й и, наконец, на 1939-й... Это почему-то никого не удивляло, даже работников собеса, что само по себе казалось чудом.

И только узкий круг друзей одинокого пенсионера знал, что ничего чудесного в этом нет, кроме того факта, что в действительности старик Буртининкас был гномом, и не просто гномом, а цвергом – самой мудрой и хитрой разновидностью этого древнего племени, и родился он не в 1939-м, и не в 1895-м, и даже не в 1795-м, а в совершенно незапамятные времена, затерянные где-то в глубине веков. Ветераном разнообразных войн он мог считаться по праву – воевать ему на протяжении последних тысячелетий нрнходилось немало, правда, не всегда на той стороне, к которой позже он себя приписывал.

Ныне ради приработка к скромной пепсин Эрик Витольдович трудился в качестве техника-смотрителя собственного дома, шестнадцатизэтажной блочной башни на севере Москвы. Ясно было, что на такой должности ему приходилось блистать разнообразными талантами и выступать то в роли слесаря, то в роли электрика, то в роли плотника. Начальство было очень довольно: рукодельный старик Буртининкас был просто находкой, к тому же с недавнего времени считалось весьма рациональным привлекать на службу в коммунальное хозяйство представителей этнических меньшинств. Они почему-то больше старались па своих производственных участках. Хотя выходцев из Прибалтики было среди коммунальщиков как раз немного.

Жильцы тоже одобряли деятельность техника-смотрителя Буртининкаса. «Паш Эрик Витольдович па все руки мастер, – говорили жильцы. – За его спиной – как за каменной стеной. И водопровод починить, и люстру навесить, и дверь поменять – никаких проблем. Не дай бог, уйдет он из нашего РЭУ, мы еще наплачемся!»

Сходные чувства испытывали и члены магического сообщества Москвы: и шапку-невидимку изготовить, и волшебную палочку отладить, и друидическое охраняющее заклятие на дверь дома поставить – все господин Буртининкас умел. Действительно, никаких проблем – на все руки мастер!

Дружба со стариком Буртининкасом волею судеб досталась Маргоше в наследство от покойной бабушки вместе с магической силой, тайными знаниями и атрибутами колдовства. Бабушка даже торжественно провозгласила старого Буртининкаса своим душеприказчиком и возложила па него обязанность следить, чтобы никто не посмел отнять у ее внучки и преемницы волшебное наследство. И Эрик Витольдович стал для Маргариты кем-то вроде заботливого дедушки, выполняя волю старом колдуньи.

Маргоша сперва не могла понять, что именно заставляет цверга тратить на нее, начинающую ведьму, неопытную, легкомысленную и не слишком умелую, столько душевных сил, пока он не рассказал о самом заветной тайне своей жизни.

Когда-то он страстно и безответно любил красавицу баронессу Лизелотту фон Хорн, особу весьма искушенную в магических делах и поставившую свой дар на службу людям. Инквизитор мессир Реми, погубивший множество светлых магов (черный чародей Реми в те времена был полон энергии, не терпел конкурентов и все силы бросал па их уничтожение) лишил Лизелотту могущества и приговорил несчастную к сожжению на костре. Цверг не сумел спасти Лизелотту: увы, он был не в силах тягаться со столь могучим чародеем, как Николя Реми, – но он увез прямо из-под носа у злодея ее детей, оставшихся беззащитными. Да еще и заклятие наложил, сделав их неуязвимыми для черного мага. А ведь Лизелотта поклялась, что ее потомки сумеют отомстить мессире Реми, поэтому черный маг жаждал крови ее отпрысков.

Мудрый гном вместе с маленькими осиротевшими фон Хорнами затерялся в глухом лесном уголке Балтии (там к нему и прилепилась кличка Буртининкас, что на языке литовс означало «колдун») и, по его собственному выражению, сумел «поставить детей на ноги»...

Со временем – лет через триста – четыреста – некоторые потомки остзейских баронов фон Хорнов перебрались в Санкт-Петербург, возникшую по воле царя Петра на балтийских берегах столицу Российской империи, обжились и пустил и там корни. В России их древнее родовое имя быстро модифицировалось из фон Хорнов в фон Горенов, потом где-то затерялась архаичная частичка «фон», и уже в XX веке, с началом Первой мировой войны, семейство Горенов сочло за лучшее окончательно отказаться от немецкой фамилии и стать Горынскими.

Теперь, когда минул еще один век без малого, единственным прямым потомком Лизелотты фон Хорн являлась молодая москвичка Маргарита Горынская, до недавнего времени даже не подозревавшая ни о древности своего рода, ни о присущих представителям этого рода эксклюзивных магических способностях.

Зато старый цверг, много веков назад усыновивший маленьких фон Хорнов, с интересом следил за судьбами их внуков, правнуков и праправнуков, считая их почти родней... Вот и Маргоша была для него как внучка, ведь она так напоминала свою прапрапра... прабабушку, прекрасную баронессу.

В ответ на требовательный звонок Маргариты дверь квартиры старика Буртининкаса запахнулась сразу и сама собой.

За дверью никто не стоял, да и в глубине квартиры хозяина видно не было. Но Маргоша уже привыкла к таким штучкам – цверг натренировал собственную дверь без долгих разговоров впускать в дом «своих», круг которых, впрочем, был весьма ограничен, а против всех незваных гостей действовала древняя друидическая защита «чертополох».

Изображение куста чертополоха, искусно вырезанное по дереву и сопровождаемое латинским девизом «Nemo me impune lacessit»², украшало вход в дом. Соседи, не слишком искушенные в магических делах, а равно и в мертвых языках, полагали, что это художество старика Буртининкаса – дань каким-то литовским обычаям...

– Дядя Эрик, вы дома? – прокричала Маргарита куда-то в глубину не слишком просторной квартирки, и цверг, как обычно, совершенно ниоткуда возник рядом с нею в прихожей.

– Маргарита! Солнышко мое! Зашла навестить старика! – обрадовался он, и Маргоше стало немножко стыдно.

Действительно, не мешало бы навещать Эрика Витольдовича почаще, он ведь так одинок... А она если и приходит, то только по делу. Вот и сегодня приехала к старому цвергу только потому, что ей обещали путешествие в иные миры.

² Никто не тронет меня, не поранившись.

– А тети Нины еще нет? – Маргоша покрутила головой по сторонам, чтобы скрыть неловкость. – Она обещала, что будет ждать меня тут, у вас.

– Да, Нининсина пыталась мне что-то сообщить, но, честно говоря, астральная связь никогда не была ее сильной стороной... Я так и не понял, о чем толкует старая перечница.

Эрик Витольдович, как и большинство гномов, был ворчлив, грубоват и любил резать коллегам по магическому цеху, да и всем прочим живым существам, «правду-матку» в глаза, но Маргоша уже успела к нему привыкнуть и хорошо знала, что он гораздо добрее, чем хочет казаться.

– Дядя Эрик, вы старый ворчун. Но я все равно вас люблю.

Она потянулась, чтобы его поцеловать, но поскольку цверг был очень маленького роста и недоставал Маргарите даже до плеча, она угодила губами прямо в его лысину.

Буртининкас, не избалованный лаской, все равно расцвел.

– Ах, как давно меня не целовали молодые красавицы! Ладно, ты ведь, наверное, пришла по делу. Нининсина с возрастом стала очень бестолковой, но ты-то хоть мне объясни, что там у вас случилось. Надеюсь, мы можем обойтись без фальшивых нот в разговоре? Ты что предпочитаешь – кофе или чай? Ах да, вспомнил – зеленый чай, и к нему мед и сухофрукты. Вы, молодые, гораздо внимательнее относитесь к своему здоровью, чем мы в свое время... Но вот проживите-ка еще с наше!

За столом Эрик Витольдович вернулся к расспросам, и пришлось подробно рассказать и об исчезнувшем и вновь обретенном пентакле, и об алых ленточках, и об обряде, проведенном доном Раймундо, и о неожиданном выводе о необходимости срочного путешествия в иные миры, который Нининсина и благородный идалго сделали из происходивших событий.

– Что ж, дитя мое, я так и понял, что ты собираешься к старине Мерлину. В принципе, торопиться туда не следовало бы, но раз уж обстоятельства подталкивают... Может быть, тебе там и понравится, как знать. Место это, во всяком случае, не из скучных. И потом, там ведь необязательно задерживаться надолго...

Маргарита уловила нотки сомнения, прозвучавшие в его голосе, и ее снова охватила тревога.

– Дядя Эрик, я не уверена, что нескучное место будет одновременно и безопасным. Не может так оказаться, что там меня подстерегают еще большие опасности, чем в нашем мире? Здесь я все-таки в привычной обстановке и среди друзей.

– А ты уверена, что здесь ты среди друзей? – поинтересовался старый цверг каким-то чужим и зловещим тоном, и вдруг его усталое морщинистое лицо стало сползать с головы, как кусок ткани, а из-под него выглянуло нечто ужасное – мерзкая ухмыляющаяся харя, покрытая зеленой лоснящейся чешуей.

– Мамочка! – пискнула Маргоша и сползла со стула, на котором сидела...

ГЛАВА 4

Когда Маргарита пришла в себя, оказалось, что она лежит на диване и кто-то брызгает ей в лицо холодной водой.

Это был Эрик Витольдович.

Маргоша снова закричала от ужаса и вжалась в спинку дивана, ожидая, что из-за привычного обличия старого цверга вновь выглянет страшный оборотень.

– Ну-ну, девочка моя, что ты, что ты? Не бойся, я просто пошутил – наверное, неудачно. Прости, я не думал, что ты так испугаешься. Ну посуди сама, ведь твой пентакль не подает сигналов тревоги, значит, все в порядке.

Пентакль и вправду вел себя совершенно спокойно. Обычно в случае приближения опасности он начинал нагреваться и пульсировать, и Маргоша в самом прямом, буквальном смысле кожей чувала беду. Но, может быть, после зловредных штучек с алыми ленточками ее магическая защита просто-напросто барахлит? Тоже вполне логичное объяснение.

– Дядя Эрик?

Маргарита не только внимательно взгляделась в лицо цверга, но и пощупала его щеку (обычная чисто выбритая щека – последние лет двести старик предпочитал обходиться без бороды, хотя бороды издавна считались необходимым атрибутом всех гномов).

Нет, все-таки это был самый настоящий старик Буртининкас, без подделки...

– А... а эта... – Маргоша хотела было сказать «мерзкая рожа», но воздержалась и подобрала более корректное выражение: – Это ужасное лицо зеленого цвета откуда взялось?

– Ах, это... Обычные чары личины. Я просто хотел немного пошутить и, как обычно, попал впросак. Юмор никогда не был моей сильной стороной, деточка... Впрочем, раз уж ты собралась в иные миры, я тебя, так сказать «на дорожку», поучу, как воспользоваться этими чарами. Может быть, пригодится... Да, а где же наша Нининсина? Ты говорила, что она тоже собиралась сегодня прибыть ко мне? Очень может быть, что старушка что-нибудь перепутала, она стала такой рассеянной в последнее время. Сейчас мы с ней свяжемся. Заодно я тебе покажу свое новое изобретение.

Эрик Витольдович подвел Маргошу к обычному компьютерному столику, на котором стояло нечто невообразимое. В том смысле, что сочетание предметов, расположенных на столике, было необычным: системный блок казался вполне стандартным, и клавиатура на выдвижной доске тоже, и даже мышка не представляла из себя ничего особенного, а вот подключены все эти атрибуты были не к монитору, а к большому хрустальному шару.

Такой шар найдется в хозяйстве у каждого мага, балующегося ясновидением. Но только старому цвергу, испытывающему вечный интерес к техническим новинкам, пришлось в голову создать симбиоз высоких технологий и архаичной магии.

– Недурно, правда? – похвалился Эрик Витольдович. – Контрастность изображения пока слабовата, – но я над этим работаю.

Он набрал на клавиатуре пароль и несколько замысловатых команд, после чего хрустальный шар налился золотым светом и в центре его появилось изображение Нининсины.

– Иду-иду, – без всяких предисловий закричала она, видимо почувствовав, что цвергу удалось установить с пей астральный контакт и он слышит каждое ее слово. Нечего меня торопить. Я просто задержалась у пациента. И ты, старый сморчок, не вздумай снова намекать на мои склероз. Я со своей ясностью рассудка еще тебе сто очков вперед дам...

Шар затуманился, и вместо лица Нининсины в нем запрыгала надпись: «Объект недоступен», но ее голос по-прежнему звучал где-то рядом. Маргарита обернулась и увидела Нининсину, стоявшую в дверях комнаты.

– Опять пришлось ускоренно трансфигурироваться, – ворчала старая целительница. – Да что у меня за жизнь теперь? Буквально ни дня без трансфигурации, и это в моем более чем почтенном возрасте! Я вам не девочка тысячелетняя, чтобы скакать взад-вперед по пространственным коридорам!

Маргоша почему-то вспомнила классические интерпретации пьесы «Горе от ума» – актрисы, игравшие старуху Хлестову, обычно с такой же интонацией брюзжали со сцены: «Таскаться по балам мне, право, не под силу. Когда-нибудь я с бала – да в могилу!»

А Нининсина уже отвлеклась от ворчания и вспомнила о плане переброски Маргоши в иные миры.

– Ну так что, дорогая моя, ты собралась в дорогу?

– В общем, да. Хотя я точно не знаю, что из вещей полагается собирать в иные миры. У меня с собой стандартный набор для туристической поездки: купальник, на случай, если там будет какой-нибудь пляж, нарядное платье и туфли на каблуках, если придется пойти на вечернику или в театр, джинсы и свитер – тоже необходимые предметы в любом путешествии, удобные кроссовки...

Тетя Нина и цверг переглянулись.

– Какая же ты, в сущности, еще дурочка! – мягко сказала Нининсина. Купальник, джинсы, туфли на каблуках... Ты же отправляешься в совершенно иное пространство! И там у тебя будет такой гардероб, который ты даже вообразить себе не можешь! А джинсы там никто не носит, такой атрибут в других мирах просто неизвестен! Так что из всего собранного я тебе советую взять лишь предметы личной гигиены. Да и то с условием, что пользоваться ты ими будешь, не привлекая чужого внимания. Все же вот так, вдруг, остаться без привычного крема или шампуня нелегко, это я понимаю. Но что тебе действительно может пригодиться, так это набор магических атрибутов ведьмы. Твой колдовской котел, метелка, волшебная палочка, посох, головной обруч, украшенный серебряным месяцем, кинжал атаме, «Книга теней»... Где это все? Тебе наверняка придется колдовать, а у тебя под рукой не будет самого необходимого.

– Тетя Нина! Ну как же я запихну столько крупных предметов в дорожную сумку? Ну ладно еще кинжал или книгу... Но котел и посох в сумку просто не влезут!

– Ну до чего у нас ограниченная молодежь растет, – вздохнула Нининсина, став похожей уже не на графиню Хлестову, а на активистку коммунистического митинга. – Вот в наше время все маги обладали повышенной гибкостью мышления. Тебе давно пора отказаться от ординарного восприятия мира, дорогая моя! Тем более в твоём юном возрасте так легко пере-страиваться и учиться всему новому.

Маргоша только вздохнула: она вообще-то не планировала заниматься магией и не собиралась развивать в себе повышенную гибкость мышления – обстоятельства так сложились. А теперь все вокруг постоянно от нее чего-то требуют! Если так пойдет и дальше, члены магического сообщества воспитают в своей новой коллеге жуткие комплексы...

А изживать их придется не кому иному, как самой Маргарите. Она и без того всю сознательную жизнь только тем и занималась, что боролась с комплексами. И кстати, юной особой ее могут считать лишь тетя Нина, прожившая несколько тысячелетий, да старый цверг, хорошо помнившим еще времена великого Одина. Сама Маргарита считает себя уже вполне взрослым и зрелым человеком. Конечно, с тех пор как к ней пришли магические знания и сила, выглядит она необыкновенно молодо, но сама-то Маргоша прекрасно знает, что возраст ее уже ближе к тридцати, чем к двадцати... Не так и мало!

А Нининсина между тем проводила очередной урок магического ликбеза.

– Ты ведь в детстве читала книжку про Мэри Поппинс? Вспомни ее знаменитую кофровую сумку. Едва появившись в доме Майкла и Джейн, она обосновалась там с полным комфортом, вытащив из собственной сумочки все, что было необходимо, включая раскладную кро-

вать с постельными принадлежностями. Ты полагаешь, что кровать, пусть даже и раскладную, проще упаковать в дамскую сумку, чем какой-то котел?

Нининсина повела рукой, и все магические предметы, хранившиеся в тайной комнате старой бабушкиной квартиры, появились рядом с Маргошей на столе.

– Ну – удовлетворенно кивнула Нининсина, – вот тебе ковровая сумка от «Поппинс и К^о». Можешь упаковать свои вещички.

– Подожди, Нина, – прервал ее цверг. – Я полагаю, в подобном путешествии девочке удобнее будет обходиться вообще без багажа. Я тут приготовил одну штучку, реализующую принцип «Все свое ношу с собой»...

И он жестом фокусника извлек откуда-то, чуть *ли* не из воздуха, толстую золотую цепь с крепким замком. Подобные украшения чрезвычайно любили новые русские на ранних этапах пути к настоящему богатству... Но об этом Маргарита даже не заикнулась – старый цверг, среди прочих достоинств обладавший незаурядным ювелирным мастерством, формировал свои трудовые навыки во времена, когда на земле царили древние скандинавские боги, а те как раз тоже предпочитали крупные формы как в драгоценных украшениях, так и во многом другом...

– Вот смотри, деточка, на каждом третьем звене этой цепи есть устройство, чтобы прикрепить подвеску. А в качестве подвески ты можешь использовать все то, что тебе следует держать иод рукой. Вот, к примеру, помело...

Цверг схватил длинную метлу с крепкой ручкой, на которой Маргарите пару раз доводилось летать над городом и однажды даже в Подмоскowie, и легким движением прицепил черенок метлы к волшебной цепочке.

Метла тут же многократно уменьшилась в размерах и обернулась изящным золотым брелочком в виде крошечной метелки.

– Какая прелесть! – в один голос воскликнули Маргоша и тетя Нина (женщин ювелирные изделия всегда завораживают)...

– Да, по-моему, идея конструктивная, – скромно похвалился Эрик Витольдович. – И исполнение неплохое.

Вскоре все магические атрибуты, обратившись в разнообразные подвески, разместились на цепочке. Цепочка с оригинальными брелоками украсила шею Маргоши поверх пентакля, с которым молодая колдунья теперь не согласилась бы расстаться ни за какие коврижки.

Нининсина окинула свою протезе оценивающим взглядом:

– Ну что ж, оригинально, красиво, хотя и немного вызывающе. С функциональной точки зрения, без сомнения, весьма удобно. И остались места, чтобы прикрепить еще несколько нужных вещей.

Маргоша кинулась к старому цвергу с поцелуями и благодарностями.

– Дядя Эрик! Спасибо! Вы такой молодец! У вас просто золотые руки!

– Ну хоть кто-то способен по достоинству оценить мои изобретения! – буркнул Эрик Витольдович, покосившись на Нининсину.

– Что ж, друзья мои, посидим па дорожку, и нора отправляться в путь! – напомнила Нининсина. – Кажется, приготовления завершены.

– Ой, а долго я буду отсутствовать? – всполошилась Маргарита, которой пришла в голову неприятная мысль о последствиях нарушения трудовой дисциплины. Она как-никак работала в госучреждении и не могла даже вообразить реакцию своего начальства на сообщение, что одна из сотрудниц пребывает в иных мирах, а вовсе не на своем рабочем месте. – Что я объясню заведующей отделом? Отпуск у меня только через полгода...

– М-да, это проблема, – кивнула Нининсина.

Она всегда утверждала, что настоящий маг должен с особым вниманием относиться к административно-бюрократическим вопросам, дабы не нажить лишней беды. Конечно, силь-

ному чародею не составит труда одолеть любого начальника, воздействуя на него колдовскими методами, вплоть до самых радикальных типа обращения в жабу... Но, во-первых, это демаскирует паранормальные способности, что может чрезвычайно осложнить жизнь самому чародею, во-вторых, это плодит дополнительные проблемы, что также осложняет жизнь.

Ну превратишь ты заведующую отделом в жабу, потом тебе же придется об этой жабе заботиться – не кинуть же бывшую коллегу на дикую природу в грязный водоем. Пропадет ведь после кабинетной жизни... Грех на душу брать неприятно.

К тому же в отделе из-за загадочного исчезновения начальства начнется период анархии, разброда и шатания. А когда появится новый начальник, придется приспосабливаться к эре новой метлы, которая по-новому метет... Да еще вопрос, окажется ли эта метла значительно лучше предыдущей.

От унылых размышлений Маргошу отвлек Эрик Витольдович.

– Барышни, я вижу тут несколько путей решения. Пункт «а»: в отделе кадров окажется заявление Маргариты об увольнении, датированное задним числом. Пункт «бэ»: мы отправим па рабочее место нашей девочки фантом, которому придадим ее обличие. Пункт «це»: вернувшись, Маргарита предъявит начальству больничный лист – на это, мадам Нининсина, надеюсь, твоих сил хватит? Пункт «дэ»: на какое-то время все должны просто забыть про сотрудницу Горынскую...

– Но если они просто забудут, то не станут проставлять мне рабочие дни в табель и по возвращении меня ждут все те же проблемы. Увольняться мне тоже не хочется... И с фантомами у пас уже был неудачный опыт – вспомните водяную деву.

– Ну я бы не назвала такой опыт неудачным, – возразила Нининсина. – Если бы мы не отправили водяную деву в тот день на работу вместо тебя, то подручные мессира Реми похитили бы тебя, а не ее, и именно ты оказалась бы в замке черного чародея. А что касается твоих служебных проблем... Не делай из банальной отлучки большого события. Ты ведь не на век уезжаешь. Во-первых, ты не так уж и долго будешь отсутствовать в этом мире – при перемещении из пространства в пространство с временными линиями чародеи обходятся весьма вольно. Скажем так, в Москву ты вернешься через пять дней, сколько бы ни прогостила в замке Мерлина. Из этих пяти дней два падают на выходные – стало быть, на работе ты будешь отсутствовать всего три дня. У тебя нет какого-нибудь служебного дела за степами твоей библиотеки?

– Вообще-то мне надо просмотреть и описать кое-какие газетные статьи за 1906—1907 годы... А газетный фонд находится в филиале Главной библиотеки в Химках, точнее – на левом берегу.

– Вот и чудно. Позвони своим сотрудникам и скажи, что несколько дней поработаешь в филиале на Левобережной, а в основном здании библиотеки появляться не будешь. На самом деле мы отправим в филиал Эрика, пусть полистает старые газеты и подготовит тебе материал для отчета.

– О, с превеликим удовольствием, – вскинулся старый цверг. – Обожаю период столыпинской реакции – дивное было время. Правда, кадеты ужасно действовали мне на нервы, но по сравнению с теми политиками, что пришли к власти позже, кадеты были просто зайчики... А Петра Аркадьевича я очень уважал еще с тех пор, как он служил губернатором в Ковно. Я ведь в те годы жил как раз в Литве, в Ковно. Правда, город считался исконно польским местом, почему и именовался по-польски Ковно, а не по-литовски Каунасом...

– Ладно, вечер воспоминаний проведем как-нибудь в другой раз, – оборвала его тетя Нина. – Маргарите пора в путь.

– Постойте, – снова вскинулась Маргарита. – Я, конечно, зануда, по все же... Хотелось бы понять одну вещь. Вы отправляете меня в какие-то иные миры, чтобы спасти от воздействия алой магии. Но если я буду отсутствовать и Москве всего пять дней, то алым магам не составит

труда меня дожидаться, чтобы снова напустить всю мощь своего колдовства. И наша затея в таком случае лишается смысла.

Нининсина и цверг переглянулись так, словно перед ними был маленький несмышленный ребенок, развлекающий их своим детским лепетом.

– Деточка, во-первых, исчезнув из этого мира, ты оборвешь любые связи, которые удалось установить твоим врагам, чтобы подвергнуть тебя негативному воздействию, – стал объяснять Эрик Витольдович. – Отрицательный магический посыл, направленный на какого-то человека, не найдя адресата, возвращается обратно к отправителю и, как бумеранг, наносит удар. Этим мы внесем дезорганизацию в ряды противника, заставим его уклоняться от удара, предпринимать активные действия обнаружить себя. Противник ведь не будет знать, что ты намерена вернуться, – стало быть, начнет лихорадочно устанавливать место твоего пребывания.

– А на твоей стороне действует такой сильный чародей, как Раймундо, – вмешалась Нининсина. – Я полагаю, благородный дон найдет способ, чтобы остудить пыл врага, как только тот будет обнаружен. Чары забвения, напущенные на врага, или обращение его в какое-либо существо, лишенное возможности вредить, – в жабу, к примеру. Пять дней – это большой срок для настоящего чародея...

– Но Роману не всегда удаются добрые дела. Вы же знаете...

– Обращение кого бы то ни было в жабу, строго говоря, нельзя расценить как стопроцентно доброе дело, – бросила Нининсина.

– Тетя Нина, я принимаю на веру многое из сказанного вами, но в данном случае... мне кажется, что эта история противоречит здравому смыслу!

– Да какое отношение здравый смысл имеет к нашей жизни? И, в конце концов, сколько можно молоть языками? Повторяю еще раз – пора к пути! Вне зависимости от всех иных расчетов, путешествие в иные миры полезно и даже необходимо для начинающих чародеев. Прежде всего, девочка моя, думай о том, что тебе предстоит нечто вроде курсов повышения квалификации. А все остальное – уже вторично!

ГЛАВА 5

– Простите, лорд маг, что прервал ваши труды...

Голос продюсера Бориса Сигеля (которого в околмузыкальных кругах обычно называли Борюсиком), возникший в телефонной трубке, сочетал в себе одновременно и подбострастие, и нахальство – сочетание труднодостижимое, но Борюсику это как-то удавалось.

Страстный поклонник литературы в стиле «фэнтези», все свободное время он проводил в неких книжных мирах, где порхали стада драконов, размахивали мечами прекрасные кельтские воительницы, мускулистые и рыжеволосые, рубя врагам головы направо и налево, а старые волшебники в пыльных мантиях накладывали страшные заклятия на кого ни попали. Увлечение не прошло даром – Борис усвоил у любимых персонажей стиль общения и именовал теперь Романа Лунина за казавшееся нездоровым в обыденной жизни пристрастие музыканта к оккультизму и мистике не иначе как «лорд маг».

Бедный Борюсик даже не догадывался, насколько ему удалось попасть в точку: лордом магом Романа-Раймундо именовали уже много веков назад при дворе английского короля Эдуарда III, и ничего нового в таком обращении не было...

– Нет, быть руководителем – это все равно что ходить с мишенью для стрел па собственной спине, – начал Борюсик издали, со своими обычными подходами неспешно подбираясь к главному делу. – Приходится отвечать за кучу людей, у каждого из которых свои тараканы в голове, и, если что-то выходит не так, виноват всегда ты. Я имею в виду, что виноват – то всегда я, а ты, Ромочка, как обычно, в стороне и в белом фраке. Ну что ж, пусть Сигель будет дерьмом, а Лунин – ангелом, для промоушена лучше так, чем наоборот.

– Боря, прости, если чем обидел, – отозвался Роман, который в глубине души уже ругал себя па чем свет стоит за то, что снял трубку с телефонного аппарата. – Я не стал бы намеренно ранить самолюбие такой деликатной личности, как ты. Но сейчас я очень занят. У меня кое-какие неприятности.

– Значит, раз неприятности у тебя уже есть, вряд ли тебе нужны еще и дополнительные проблемы. Не хочу быть назойливым, но ты, позволь напомнить, давно должен работать над своим альбомом. Проект, в который вложены большие бабки, завязан па Эдика, поэтому я тебе не завидую. А еще больше не завидую себе. Ты Эдика знаешь. Он не потерпит никаких возражений – на этот случай у него всегда есть в запасе довольно сильный аргумент. Я имею в виду хорошо поставленный удар правой.

– Удары я умею парировать, – отозвался Роман, в котором тут же разыгрались принципы, вращенные при арагонском дворе.

– Рома, я тебя умоляю! Только без твоего вечного шпора! Я же не зверь, я все понимаю – работать не хочется никогда. Но прости, брат, надо. Зарабатывание денег всегда связано с чем-нибудь неприятным. Никто не станет отстегивать тебе бабки за приятное времяпрепровождение. Короче, Рома, я сейчас подошлю к тебе Васятку с минусовой фонограммой. Проверь, насколько она тебе подойдет...

Вася, молоденький помощник звукорежиссера со студии, приехал неожиданно быстро. Он очень гордился, что вращается в кругах модных музыкантов, и старался держаться с ними запросто, по-свойски. Правда, это ему не всегда удавалось, потому что порой на бедного Васятку нападали приступы страшной застенчивости.

Роман понимал, что парнишке нелегко (в конце концов, ему ведь тоже когда-то было восемнадцать лет, правда очень и очень давно, по смутные воспоминания о собственной юности в его обширной памяти еще сохранились), и старался его морально поддержать.

– Ну что, Вася, а не перекусить ли нам для начала? – поинтересовался он самым доверительным тоном. – Кажется, я давно ничего не ел. Пора закинуть что-нибудь в топку.

Сам Роман мог не есть очень долго – чуть ли не месяцами. Человеку, хлебнувшему некогда эликсира бессмертия, голодная смерть не угрожала. Хотя вкусная пища по-прежнему оставалась одним из житейских удовольствий и без нее Роман ощущал определенный дискомфорт. Но приглашение к столу было рассчитано прежде всего на хороший аппетит гостя.

Перекусить Вася, почти как Винни-Пух, не отказывался никогда – в его возрасте здоровый голод был вполне естественным состоянием организма.

– Роман, а я ведь на вчерашнюю тусовку к вам с видеокамерой приходил, – сказал Вася между делом, расправляясь с ветчиной. – Я себе камеру прикупил и, можно сказать, папараццей заделался. Снимаю всех по-тихому, скрытым образом, чтобы не позировали и не кривлялись. Такие иногда эпизодики в кадр попадают, что только держись.

– И ты снимал, когда был у меня в гостях? – Роман почувствовал, что у него мгновенно пересохло во рту. Следующую фразу он еле выдавил скрипучим голосом: – Давай кассету!

Васятка даже жевать перестал, решив, что своей беспардонностью обидел хозяина.

– Нет, вы не думайте, там ничего такого... И я только для себя, а не для того, чтобы кому-то показывать.

– Не говори долго, Василии, кассету давай!

Васятка протянул пакет с кассетой. Лунин кинулся к видеомэгнитофону. Наверное, никогда в жизни он не смотрел любительские съемки с таким вниманием.

Так, вот на экране Маргарита в своем элегантном вечернем платье и без пентакля, дурочка... два парня терзают гитары... хоровод в поросячьих масках, прыгающий по дому... Эдик со своими пацанами распивает в уголке бутылку... юная красотка украдкой пудрит носик, чтобы скрыть от глаз общественности разрастающийся прыщ. Хм, а вот Маргарита танцует с Автаидилом... Надо признать, эти двое смотрятся весьма сексуально! И как Роман такое не заметил и своевременно не пресек? Впрочем, сейчас не до того! А это еще что? О боги! Канкан «Красотки кабаре» в исполнении Ганг Иры, Оли и Наташи... грациозно, хотя Наташка все время сбивается с ритма и ноги ниже всех задирает. Что ж... Заурядные кадры заурядной гулянки, где царят своиские отношения и некоторая простота нравов... Неужели так ничего тайного и не откроется? Торт внесли... Эдик третий кусман наворачивает... здоров же он лопать! Витя показывает фокусы, Копперфильд доморощенный... Кто-то целуется на диване в холле... А кто-то вышел из двери и тут же сконфуженно зашел обратно, чтобы не спугнуть парочку... Стоп! Не может быть!

Этого быть не может! Хотя...

Роман остановил кадр и впился в него глазами. Один из гостей, скромный и незаметный парнишка, начинающий музыкант (кажется, его зовут Антоном), уединился с барышней (той самой, что мучилась из-за прыщика на носу) и энергично приступил к страстным лобзаниям (и кто мог ожидать от скромняги подобной прыти?)... Но в тот самый момент, когда парочка безумствовала на диванчике в холле, открылась дверь, и из нее в тот же холл шагнул второй Антон, точно такой же, как первый, и, естественно, попал в кадр.

Увидев на диване свою копию, Антон номер два тут же ретировался обратно и захлопнул за собой дверь, но камера Васятки, нацеленная на целующихся голубков, бесстрастно зафиксировала его появление в непосредственной близости от объекта съемки.

Если исключить предположение, что у Антона есть брат-близнец, которого *он* тайно привел с собой в дом Романа (версия маловероятная, но проверить ее труда не составит), значит, не обошлось без чужой личины. Некто превратился в Антона, на которого обычно обращают не так уж много внимания, чтобы без помех бродить по дому и...

Нетрудно догадаться о последствиях визита лже-Антонa, они стали очевидны сразу – исчезновение пентакля, подброшенные ленточки и все прочее. В суматохе никто не заметил,

что один из гостей раздвоился. Даже и внимания не обращали, что, оставив человека в одной комнате, вскоре наталкивались на него в другой, – такой круговорот лиц был перед глазами, шум, суета... На зрение и память Романа к тому же, очевидно, были наведены отводящие чары. То-то он не мог ничего вспомнить!

Но подвергать воздействию чар других гостей, к примеру того же Васятку, злодеям в голову не пришло, а тем более никто и подумать не мог, что он притащит камеру и начнет потихоньку снимать все, что покажется ему забавным.

Если бы у Романа было больше времени, он подверг бы стоп-кадр с изображением лже-Антоня компьютерной обработке, увеличил лицо и рассмотрел мелкие детали. Но Роман был в таком нервном состоянии (а у чародеев психическое возбуждение приводит прежде всего к многократному усилению магических способностей), что легко и быстро сделал это мысленно. Перед внутренним взглядом мага замелькали отдельные фрагменты общей картины.

Да, чары были наведены профессионально, тут чувствуется опытная рука, но... Нельзя было скрыть одного человека, принявшего чужую личину, всегда выдают глаза. Зрачки вместо двух темных точек в центре глазного яблока превращаются в вертикальные полосы... По этим вытянутым зрачкам всегда легко узнать зачарованного в чужом облике, поэтому они стараются не смотреть другим людям в глаза и обычно прячут взгляд.

Никто не может скрыть природу своих глаз, хотя многие из людей, причастных к высокой магии, широко пользуются привилегией менять внешность по собственному усмотрению. Некоторые так и живут, накинув на себя чужую личину. Но вот глаза... при ближайшем рассмотрении они говорят сами за себя.

Что ж, пусть медленно, но картина случившегося все же проясняется. Теперь следует узнать, по собственной ли воле проник лже-Антон в дом Лунина, или этот зачарованный – всего лишь марионетка, посланный казачок, действующий по воле могущественного господина?

Опыт подсказывал Лунину, что следует склониться скорее в пользу второй версии: опытный чародей, способный на столь искусную работу, не стал бы рисковать сам. Они всегда действуют через подручных, готовясь в случае опасности пожертвовать наименее ценными членами экипажа...

Итак, все необходимые дела были завершены. Магические атрибуты в виде золотых подвесок украшали шею Маргариты и могли быть использованы в любой момент. В маленькую сумочку она собрала минимум личных вещей, включая зубную щетку, гребень для волос из жасминового дерева (Эрик Витольдович собственноручно изготовил для нее эту изящную вещицу по правилам друидической магии и настаивал, чтобы Маргоша пускала его подарок в дело как можно чаще: в нем была заложена какая-то мистически-охранительная сила), а также минимальный запас косметики... Звонок сотрудникам был сделан, и проблема отсутствия Горынской на рабочем месте благополучно разрешена.

Никаких оснований, чтобы задержаться в этом мире подольше, не осталось...

– Ну что ж, милые дамы, прощайте! Эрик Витольдович гостеприимно распахнул дверь на лоджию.

Лоджия была обычной – застекленной, обшитой деревом и заставленной, как и у всякого трудолюбивого пенсионера, различным барахлом. В углу, поближе к свету, помещался верстак с тисками, с противоположной стороны – шкафчик с пустыми трехлитровыми банками, а остальное пространство занимали живописные куски металлических труб и деревянных реек, полуразобранные механизмы и прочие совершенно необходимые в хозяйстве вещи.

Поскольку проживал Эрик Витольдович на первом этаже и доступ на его лоджию был в общем-то свободным для каждого, кто найдет силы подтянуться с тротуара к перилам, по всему периметру от пола до крыши ее украшала мощная затейливая решетка. Теперь, по убеждению

соседей, хозяин мог быть уверен, что его ценности: инструмент, банки и все нужные мастерскому человеку предметы – не подвергнутся разграблению. (Мелких жуликов и хулиганов на самом деле отпугивала не столько решетка, сколько охраняющее заклятие, на нее наложенное, но об этом никто из посторонних даже не подозревал.)

Эрик Витольдович сдвинул легкий деревянный ящик, стоявший у торцевой стенки лоджи, и в полу обнаружилась металлическая крышка люка. Непонятно было, куда ведет этот люк с балкона первого этажа – неужели в подвал дома? Вроде бы под балконами подвалов не бывает...

Потянув за кольцо и откинув крышку, старый цверг открыл лестницу, уводящую в какое-то глубокое подземелье. Лестница была пологой, старомодно основательной, с широкими каменными ступенями. Ее освещал невидимый источник света.

– С вашего позволения, я пройду вперед и буду указывать вам дорогу, – заявил цверг. – Галантность требует пропустить вперед дам, но только не в том случае, когда речь идет о подземельях.

Маргарита и Нининсина медленно двинулись вниз следом за цвергом. Нининсина шла последней, силой взгляда заставляя освещение гаснуть там, где они уже прошли.

– Зачем ты тушишь свет? – поинтересовался цверг. – Мне не нравится, что за нашими спинами ползет тьма! Мне никогда не нравились темные и замкнутые пространства...

– Но ты же цверг! – возмутилась тетя Нина. – У тебя с годами выработались какие-то извращенные вкусы – цверги, насколько я помню, не переносят яркий свет. Ты должен любить темноту!

– Да, что поделать, меня когда-то угораздило родиться цвергом. Но я ведь работал над собой... Я отчасти поменял собственные привычки.

– Нечего капризничать и даром свет жечь, – буркнула тетя Нина. – Я никогда не поощрила расточительство. К тому же, если сейчас за нами кто-нибудь наблюдает астральным способом, четкого изображения он при скудном освещении не получит. А тебе дай волю – ты бы тут еще театральные софиты расставил...

Лестница вскоре привела их на просторную площадку перед высокой двустворчатой дверью. Две свирепые львиные морды, закрепленные на дверных створках, сжимали в клыкастых пастьях мощные кольца.

– Достопочтенные дамы, – торжественно провозгласил цверг, – позвольте мне пригласить вас в королевство его величества Мерлина Пятого, назначившего вашего покорного слугу стражем ворот. Для начала мы, правда, окажемся в моей скромной подземной обители, но уже, как сказано», по ту сторону пространственной грани. Прошу, будьте моими гостями!

И он распахнул двери.

Таких подземелий Маргарита еще никогда не видела... Впрочем, она вообще видела не так уж много настоящих подземелий. Пожалуй, это было первое.

Ни сырости, ни затхлого воздуха, которыми, но логике вещей, должно отличаться любое подземелье, тут не было и в помине. Помещение напоминало роскошный дворец, только без окон и с искусственными источниками света. Высокие каменные своды были густо усеяны прозрачными сверкающими камнями, грани которых в отблеске светильников играли всеми цветами радуги. «Неужели алмазы? – поразила Маргоша. – Нет, наверное, все-таки тщательно ограниченный горный хрусталь, который так любят гномы, судя по сказкам...»

Колонны, поддерживающие своды, были облицованы ценными камнями: яшмой, малахитом, нефритом, бирюзой, – складывающимися в затейливые мозаичные узоры. Во всех простенках размещались барельефы, но не мраморные, как в античных дворцах, а мастерски высеченные из грубых серых каменных глыб. Иногда они представляли какие-то сложные, многофигурные композиции, а иногда – чьи-то скульптурные портреты.

– Я удивляюсь твоему болезненному пристрастию к роскоши, Эрик, – тут же принялась ворчать тетя Нина. – Сколько сил, времени, труда и, извини за меркантильность, финансовых средств ты тратишь впустую на бессмысленное украшательство помещений, где и бываешь-то крайне редко.

Ей никто не ответил. Цверг не желал поддерживать разговор на неприятную тему, а Маргарита была поглощена разглядыванием интерьера. Волшебное подземелье казалось одним из самых интересных мест, в которых Маргоше когда-либо доводилось бывать.

Да, помещение было отделано красиво, хотя и несколько вычурно. Но, может быть, это в традициях цвергов – именно так оформлять свои подземные дворцы? Мебели было мало, и вся она представляла собой какие-то непривычные современному человеку образцы столярного искусства. Ни один из этих предметов нельзя было назвать диваном или креслом в истинном понимании слова.

Эрик Витольдович гостеприимно повел рукой в сторону некоего симбиоза скамьи и резного сундука (во всяком случае, сиденье, застеленное шкурами, и высокая спинка на этом предмете наблюдались).

– Прошу вас, милые дамы, присядьте. Короткий отдых для адаптации в новом измерении. Маргарита, дитя мое, как ты себя чувствуешь? Голова не кружится? Уши не закладывает? А тошноты нет? Знаешь, перешагнуть из пространства в пространство – это тебе не шуточки.

– Не волнуйтесь, дядя Эрик, я чувствую себя прекрасно.

– Вот что значит молодость, – вздохнула Нининсина. – А у меня давление так и поползло. Аж в висках застучало...

Она извлекла откуда-то склянку с темной жидкостью и сделала большой глоток.

– Старое проверенное средство. Запомни, Марго, настойки валерианы, пустырника, боярышника смешать в равных дозах и добавить корвалол и немного магии. Изумительно проясняет голову и успокаивает нервы, хотя на вкус и горчит, признаться.

– Мои нервы прекрасно успокаивает пребывание в подземелье само по себе, – отозвался Эрик Витольдович. – Изначально для цвергов было вполне естественным проживание под землей, а вот солнечный свет, особенно на рассвете, губителен. Мы много веков боролись со своей природой, чтобы приучить себя к дневному освещению на поверхности Земли, ведь это так расширяет житейские возможности. Ко всему в конце концов можно приспособиться – люди вон тоже научились жить на асфальте, дышать бензиновыми парами, часами сидеть за компьютерами и питаться всякой химической гадостью. А ведь для любого живущего на природе неподготовленного существа эти факторы противоестественны и смертельно опасны.

Тетя Нина, всегда ратовавшая за здоровую экологию, согласно кивнула. А что тут возразишь?

– Зато в своем подземелье, в комфортных условиях я отдыхаю так, как земные существа – в санаториях, и возвращаюсь отсюда окрепшим, с восстановленными силами, – продолжал Буртининкас.

– Дядя Эрик, а это кто? – спросила Маргоша хозяина, разглядывая скульптуру, изображающую цверга в традиционных одеждах древнего германца. – Это вы в молодости?

– Нет, это мой несчастный брат Альвис, которого давно уже нет с нами. Это очень печальная история, деточка. Штучки Тора, не тем будь помянут. Вот почему я всегда терпеть не мог Тора и вообще недолюбливал асов. За исключением Одина, конечно, он из этой компании был самым мудрым и талантливым... Остальные относились к цвергам как к существам второго сорта и при случае норовили их истребить... А за что? Мы мудрый, трудолюбивый народ, никому не желавший зла. Мы сделали столько полезного для асов и ванов – почти все оставленные ими магические артефакты изготовлены руками цвергов... За исключением твоего кольца, конечно, – его сделал сам Один для любимого сына. Ну и Тор, мерзавец, кое-что все-таки оставил потомкам, он был кузнецом как-никак и руки имел хорошие (чего не скажешь

о сердце!). Хотя его знаменитый молот изготовили цверги! Да-да, если бы не мы, он и кузнечное дело никогда не освоил бы...

– Эрик, рассказывай короче, – потребовала Нининсина. – У нас мало времени!

– А куда нам теперь торопиться, – буркнул цверг, не любивший, когда его прерывают, а тем более подгоняют. – Мы ведь уже в Камелоте.

И приступил к своей трагической саге.

Оказалось, что его брат Альвис был самым мудрым и эрудированным из всех цвергов, его даже прозвали Всезнайкой. Но мудрость не защитила его от большой ошибки – он влюбился в Труд, любимую дочь Тора, и решил к ней посвататься. Тор же, как старший сын Одина, был чрезвычайно высокого мнения о себе и своей дочурке и вовсе не собирался выдавать ее замуж за какого-то цверга. Но вместо того чтобы прямо и честно указать претенденту на руку Труд направление, в котором следует удалиться, Тор задумал погубить незадачливого жениха. Он гостеприимно принял его в своем доме и, делая вид, что испытывает мудрость Альвиса, за долгими разговорами продержал того до рассвета, зная, что рассветные лучи губительны для цвергов. И утреннее солнце превратило несчастного цверга в камень...

Чья еще грудь
Вместила бы столько
Сведений древних!
Но хитростью мощной
Тебя обманул я:
Ты в доме застигнут
Солнечным светом! —

продекламировал Эрик Витольдович и смахнул слезу.

– Вот такими словами Тора и завершилась баллада о несчастном доверчивом Альвисе. Это каменное изваяние и есть мой брат. Он уже много веков пребывает в таком виде! И вы хотите, чтобы после этого я с уважением относился к асам? Нет, как бы то ни было, а их гибель стала закономерной. Закон троекратного возмездия отменить невозможно. Зато мудрые цверги сделали из этой истории выводы и постепенно приучили себя не каменеть под солнечными лучами.

– Дядя Эрик! – Маргарите, разглядывавшей изваяние романтика Альвиса, в голову пришла неожиданная мысль: – Вам надо обратиться за помощью к лешему Мелентию, приятелю нашей кикиморы. Он ведь занимается целительством с использованием чудодейственного меда с собственной пасеки. В его практике были подобные случаи! Если он смог снять заклятие с юноши, обращенного в мраморную статую еще в античные времена, то наверняка поможет и вашему брату...

– Да, пожалуй, об этом стоит подумать. Хотя и страшновато – каждый эксперимент подобного рода чреват непредсказуемыми последствиями. Прежде чем на что-то решиться, следует взвесить все за и против. Не сделать бы хуже... В таком состоянии Альвис по крайней мере пребывает в целостности и сохранности и имеет шанс дожить до лучших времен. Я не случайно держу его здесь, на границе миров, – ведь тут слабеют чары и заклятия... Может быть, в конце концов Альвис сможет вполне естественным путем вернуться к нормальному состоянию. Ну что ж, милые дамы, прошу вас пожаловать в верхние покои. Там недостатка в солнечном свете не будет.

По каменной лестнице, которая была гораздо удобнее и красивее той, что вела в подземелье московского дома, Маргарита, Нининсина и цверг поднялись на поверхность и оказались в уютном каменном домике с большим очагом и открытой террасой, увитой розами. За посад-

ками роз начинались обширные пшеничные поля, а где-то у горизонта возвышался огромный замок, издали казавшийся детской игрушкой.

Маргарита сначала залюбовалась видом, напоминавшим иллюстрацию к книге сказок, а потом уже удивилась – как же так: цветущие розы, золотые пшеничные колосья, а ведь сейчас зима... Впрочем, они с цвергом и Нининсиной перешли в иное измерение, и здесь все может быть по-другому.

– Ну девочка моя, ступай с миром, – сказала Нининсина. – Иди прямо по дороге к замку, там тебя примут. Вот, это записка для Мерлина, в которой я тебя рекомендую его королевскому величеству и прошу для тебя помощи и протекции.

И она протянула Маргарите свернутый трубкой кусок пергамента.

Ну вот, все-таки Средневековье, мысленно посетовала Маргоша. Сейчас начнется – изволь писать гусиным пером на пергаменте, ездить на какой-нибудь арбе, одежду шить вручную и так далее... А уж вечерняя ванна окажется недоступной роскошью!

– Ох, мы чуть не забыли! – всполошился вдруг Эрик Витольдович и начертил в воздухе какой-то замысловатый знак в виде круга и креста. – Чары взаимопонимания. Теперь ты поймешь любой язык, на котором к тебе обратятся в этом мире или в любом другом, куда занесет тебя судьба. В путешествиях невредно понимать, о чем говорят аборигены.

Наверное, он тянул с этими чарами до последнего, чтобы они тоже не развеялись при переходе Маргоши из мира в мир.

– И еще одно... – В руках Нининсины появился шелковый плащ, который она накинула на плечи Маргариты. – В этом плаще твой наряд не покажется никому странным, куда бы ты ни заявила и какая бы мода там ни была принята. Не забывай о нем в своих странствиях. Представлять некое экзотическое явление в глазах местной публики и подвергаться насмешкам не всегда приятно, поверь мне. Ну все, ступай, дорогая. Когда придет пора, по этой же дороге вернешься назад...

Маргарита спустилась со ступеней веранды, помахала рукой старикам и пошла по дороге к замку.

Старики смотрели ей вслед. Сентиментальный Эрик Витольдович смахнул слезу.

– А скажи-ка мне, старый баламут, зачем ты пугал девочку, обратившись в демона? – нарушила Нининсина трогательное состояние его души.

Цверг смутился.

– Откуда ты знаешь?

Нининсина дернула плечом, давая понять, что такие вопросы совершенно неуместны: она пока еще в силах узнать и, главное, почувствовать многое из того, что от нее скрывают.

– Как только я пришла в твой дом, это сразу стало мне очевидно.

– Это была просто шутка. Я полагаю, что девочке надо вырабатывать защитные реакции, она должна быть постоянно готовой к тому, что на деле все может быть иным, чем кажется...

– И для этого ты решил поиграть у нее на нервах? От вас, гномов, никогда ничего, кроме глупостей, не дождешься! Как бы мне хотелось, чтобы она устроила свою судьбу. Если бы рядом с ней был человек, способный оградить ее от всех проблем! Не такой, как Раймундо с его вечными терзаниями.

– Так путешествие в Камелот затеяно с целью устройства ее судьбы? – поразился цверг, не ожидавший от старой приятельницы столь тонких расчетов.

– Я полагаю, что в Камелоте у нее будут для этого кое-какие шансы, – подтвердила тетя Нина.

– Если бы ты могла хоть с какой-то степенью точности предсказывать грядущие события – так, как прорицаешь уже случившиеся, – то пришла бы к неизбежному выводу, что в сердечные дела лучше не вмешиваться...

ГЛАВА 6

Дорога была не такой уж короткой: замок оказался намного дальше, чем можно было себе представить. Маргарита все шла и шла, а замок как будто и не приближался, по-прежнему возвышаясь где-то у линии горизонта.

Между тем картины, разворачивающиеся перед Маргошей, поражали своей неестественной, сказочной красотой. Справа за пшеничными полями открылась деревушка, застроенная белыми домиками, утопающими в цветах и плодовых деревьях. Среди зелени и ярких соцветий торчали лишь верхние этажи построек с чисто промытыми окнами да черепичные крыши. С другой стороны от дороги раскинулся лесок, причем такой аккуратный, словно за каждым деревом следил опытный и умелый садовник.

По сказочным законам в таких лесах непременно должны водиться эльфы. Или гномы... А может быть, и эльфы, и гномы – они ведь друг другу не мешают. Свернуть бы с дороги в этот лесочек и поискать бы хорошенькое волшебное создание, притаившееся где-нибудь в ветвях...

Но Маргарита, рассматривая окружающий пейзаж, отмечала все его красоты лишь механически – ее гораздо больше занимали собственные мысли.

Она уже готова была пожалеть, что так поспешно и неосмотрительно дала согласие на путешествие в этот мир, каким бы милым он ни казался. Заявиться в замок какого-то короля, пусть даже и с рекомендательным письмом, и оказаться в совершенно чуждом окружении! При том что у Маргариты, как ей казалось, имелся некоторый житейский опыт, ей еще никогда не доводилось встречаться с особами королевской крови. Она лишь недавно, работая с мемуарами лиц, проживавших в императорской России, разобралась, как положено обращаться к царствующим монархам – «ваше величество» или «ваше высочество»...

Что ж, согласиться осваивать ремесло мага – не самый лучший способ обеспечить себе спокойную жизнь. А с другой стороны: если бы она по-прежнему день за днем ходила на работу, возилась со своими картотеками и пыльными книгами, пила чай с сотрудницами, болтая о всяких пустяках, а дома по вечерам варила бы для самой себя супчик в маленькой кастрюльке, смотрела сериалы, читала дамские романы, вязала шарфики и иногда позволяла бы себе поплакать из-за развода и свалившегося за ним одиночества, вряд ли ее жизнь можно было бы назвать сказочной. И от будущего было бы нечего ждать, кроме скромной пепсин, до которой еще тридцать лет без малого (если порог пенсионного возраста к тому времени не отодвинут)... Разве в таком существовании есть хоть капля романтики?

Бессмысленно бороться с судьбой, раз уж Маргарите суждено было стать ведьмой... Впрочем, она, как и ее покойная бабушка, не любила слово «ведьма», носившее в современном русском языке исключительно негативный оттенок. А ведь оно образовано всего лишь от глагола «ведать», то есть знать нечто такое, что неизвестно другим. В тайных знаниях самих по себе нет ничего страшного, если, конечно, не использовать эти знания во зло.

От раздумий ее отвлек шум за спиной. Не то чтобы шум был громким, но все же вполне различимым в стоящей вокруг тишине. Казалось, что к Маргарите летит какой-то большой предмет, со свистом рассекая воздух и трепеща на ветру.

Оглянувшись, она поняла, что ощущения ее не обманывают: к ней по воздуху приближалась человеческая фигура, в которой без труда можно было узнать валькирию, летающую девицу-воительницу. Причем это была не какая-то посторонняя валькирия, у которой, может быть, невеста что на уме, – данная особа была Маргоше хорошо знакома и даже состояла с ней в большой дружбе.

В незапамятные времена валькирию звали Хлёкк, что означало «шум битвы», и интересовали ее тогда лишь две вещи – война и любовь. С тех пор прошло много веков, валькирия повидала немало войн и любви, но они интересовали ее по-прежнему. Поэтому теперь она слу-

жила прапорщиком в воздушно-десантных войсках (чертовски подходящее занятие для летающей девы-воительницы) и именовалась Валькой Хлестовой (чертовски подходящее имя для прапорщика женского пола).

Вечное общение с воинами (или с «солдатней», как грубо выражалась одна нимфа, претендующая на утонченность вкусов) наложило свой отпечаток на манеры валькирии Вальки, сделав их по-армейски разухабистыми, но одновременно открыло в ее душе такие запасы самоотверженности, преданности и личного мужества, что другом она была незаменимым. Тем более что понятие дружбы было для Вальки свято.

– Ну насилу тебя догнала! – буркнула Валька вместо приветствия. – Быстро бегаешь, молодец. Конечно, не так быстро, как я летаю, но все же... Я как узнала, что старикашка цверг провел тебя в Камелот, решила, что надо побыть тут с тобой, хотя бы первое время, пока немного адаптируешься. Ты ведь и в Москве бываешь неприспособленной, как пятилетний ребенок, а в других мирах репой щелкать еще опаснее, чем в нашем...

– А что, мне теперь придется проводить большую часть времени, шляясь по другим мирам? – спросила Маргарита, продолжавшая внутренне бороться со своим сложным настроением. – И все из-за каких-то красных бантиков...

– Запомни, подруга: то, что ты определяешь словами «шляться по иным мирам», – основное занятие магов. Оно дает возможность творить чудеса и совершенствоваться в мастерстве, в то время как сидение в теплом, уютном гнездышке, где нечем заняться, приводит к полному атрофированию способностей. А красные бантики... Они лишь подтолкнули тебя, заставив подняться в своем развитии на следующую ступень. Ко всему надо подходить философски.

– Послушай, а мы вот так и заявимся в замок? Я – в короткой юбке, а ты – в походно-полевой форме десантных войск?

– А ты разве в короткой юбке? – Валька так искренне удивилась, что Маргоша поняла: плащ Нининсины действует безотказно, и детали ее наряда действительно загадка для всех окружающих. – Вот моя форма для Камелота и вправду несколько вызывающе выглядит.

Валька произнесла короткое заклинание и оказалась в рыцарских доспехах, ладно сидевших на ее гибкой фигуре. Более того, на боку у нее висел меч, за спиной – арбалет, а в руке был еще и щит, затянутый чехлом из плотной холстины.

– Ну как я тебе? – поинтересовалась она.

– Класс! – восхитилась Маргарита. – Настоящая дева-воительница. Надо сказать, листовое железо тебе к лицу...

– Да, при такой амуниции пешком не ходят, – объявила Валька. – Теперь нам еще и лошади нужны. Вот так всегда, только начни себя украшать – остановиться уже невозможно. Ладно, наша кикимора научила меня одному простенькому заклинанию для воды, сейчас мы им воспользуемся.

Лимнаду, которая с античных времен считалась нимфой болот и озер, валькирия упорно именовала кикиморой болотной, как было принято на Руси, и убедить ее относиться к бедной нимфе с большим тактом никому еще не удалось.

Поправив стальной шлем, из-под которого выбивались ее буйные рыжие кудри, Валька оглянулась, заинтересованно осматривая окрестности:

– Вон там какой-то склон, за ним должна быть ложбинка, а по ней небось течет ручеек или речушка. Пойдем туда.

Ручеек с чистой, хрустально играющей в лучах солнца водой и вправду обнаружился за склоном, покрытым шелковистой зеленой травкой (хоть бы одна сухая былинка или куст чертополоха торчали среди этого изумрудного великолепия! Нет, все было просто неправдоподобно красиво!).

Валькирия, воспользовавшись приемами водяной магии, сотворила из ручейных струй двух белых коней в сбруе и, взяв под уздцы, повела их на дорогу.

– Такие пресноводные белогривые кони называются «келпи». Говорят, друиды Британии и Ирландии, хорошо владевшие водяной магией, были особенно искусны в создании келпи. Но и у меня неплохо получилось, как считаешь?

Валькирия ловко вскочила в седло.

– Давай скорее, пока коняги не испарились под солнцем, – поторапливала она Маргариту. – Боком, боком садись, у тебя седло дамское... Ой, неумеха! Давай подсажу.

Вальке пришлось снова спешиться, чтобы затолкать подругу в седло. Ворчание, которое при этом доносилось до ушей Маргариты, было достойно армейского прапорщика, но недостойно беседы двух красивых женщин. Впрочем, Валька не имела привычки обращать внимание на такие частности, легко совмещая нравы прапорщика и красавицы.

Маргоша постеснялась признаться, что на лошади ей доводилось ездить лишь один раз в жизни, когда она по глупости записалась в Кисловодске на конную экскурсию по горам. Ей как полному дилетанту в верховой езде проводники дали самую старенькую и смирную лошадку, которая неспешно трусила в хвосте кавалькады курортников. Но Марго так боялась вылететь из седла, что не могла ни любоваться горными видами, ни болтать с напарниками и в обратный многокилометровый путь с перевала Большое Седло предпочла отправиться пешком.

И вот, извольте видеть, надо теперь подъехать к замку Мерлина верхом, да еще в дамском седле, сидя бочком и свесив ноги в одну сторону, – никакой устойчивости, того гляди свалишься! Да что же за мучения! Маргоша стала нервно искать в памяти какое-нибудь подходящее к случаю заклинание, чтобы чувствовать себя увереннее, но ничего не пришло в голову.

Валька же опять вспорхнула в седло с легкостью довольно удивительной, если учесть вес навешанных на нее скобяных изделий.

– Еще один маленький нюанс, – заявила она, зачем-то опуская на лицо забрало. – Ну вот, теперь вперед, подруга!

Кони быстро донесли двух искательниц приключений до замка. Но мост перед воротами был поднят, стены казались неприступными, и нигде не было видно ни души.

– Не очень-то гостеприимное местечко, – заметила Маргарита. – Внутренний голос подсказывает мне, что нам тут не рады. Смотри, вон на башенке в окошке что-то блеснуло.

– На башенке, – передразнила ее Валька. – Это барбакан, он предназначен для того, чтобы задерживать нападающих врагов еще перед воротами замка и не позволять им пойти на приступ. В барбакане обычно живет констебль.

– Констебль? – удивленно переспросила Маргоша, у которой это слово стойко ассоциировалось с рассказами Конан Дойля. – Какой констебль?

– Самый обыкновенный... Констебль – это начальник замковой стражи, – снисходительно объяснила Валька и громко закричала: – Эй, стража! Пропустите в замок путников.

– Кто желает вступить в замок достоправного и великого короля Мерлина Пятого?

– Странствующий рыцарь и дама! – ответила Валька, стараясь сделать свой прокуренный голос еще грубее.

Так вот для чего она опустила забрало – чтобы выдавать себя за мужчину. Странно. Почему бы откровенно не признаться, что в замок прибыли две дамы?

– Что ж, в замок велено пропускать прекрасных дам и храбрых рыцарей. Причем ни один храбрец не будет допущен в стены замка без дамы, как и дама не будет принята без сопровождающего ее кавалера. Но ты, о рыцарь, должен доказать свое право считаться достойным прекрасной дамы. Прими участие в поединке! Победитель будет сопровождать даму и вступит рука об руку с нею под своды замка Мерлина!

«Хорошенькое дело!» – мысленно ахнула Маргарита. Теперь ей придется выступать еще и в качестве переходящего приза па рыцарском турнире. Нет, пожалуй, нравы этого королевства нравятся ей не очень...

Откуда-то из-за стен барбакана вышел еще один рыцарь (еще один, если первым считать Вальку) в сопровождении нескольких человек, вероятно представлявших собой жюри.

– Я сэр Гарольд Хардимур, – заявил претендент на общество Маргариты, вскочив в седло вороного коня, которого ему подвели. – Защищайся, незнакомец, или сразу откажись от своей дамы!

На стенах замка замелькали головы любопытствующих – зрителей становилось все больше... Валькирия, вздохнув, сорвала со своего щита холщовый чехол, открыв черное поле, на котором выделялась серебряная роза. Нижнюю часть щита украшало изображение копья.

– Это герб воительницы Весты! – зашептались в толпе зрителей. – Ну сейчас этот сэр Хардимур получит по первое число!

Поединок был жестоким, но недолгим. Рыцари скрестили мечи с лязгом, чуть ли не искры выбивая, и после нескольких ударов валькирии удалось выбить оружие из рук противника. Не давая ему опомниться, она с размаха опустила металлическую перчатку на его шлем (наверное, несчастный сэр Гарольд Хардимур в этот момент почувствовал, что очутился внутри гудящего колокола). Другой рукой Валька ударила его в грудь и этим богатырским ударом вышибла Гарольда из седла.

Вид у рыцаря был весьма плачевный, но он все же нашел в себе силы приподняться и сказать:

– Я признаю твою победу, славный рыцарь розы и копья! Назови же мне свое имя, чтобы я знал, благодаря кому не смогу попасть в замок и буду вынужден провести ночь в чистом поле!

– Знаешь, парень, а ты мне нравишься! – заявила Валька, снимая с головы шлем и рассыпая по плечам свои буйные кудри. – У меня много имен, но в этих местах я известна как Веста Рыжая. Хотя кое-кто имеет наглость именовать меня Летающей Холерой...

– О боги, это дева! – взвыл поверженный рыцарь. – Я дважды покрыл свое имя позором: подняв руку на женщину и позволив женщине себя одолеть! Мое место и вправду в чистом поле среди сусликов, а не в королевском замке среди достойных рыцарей и прекрасных дам.

Он тоже стянул шлем с головы, открывая лицо. Оказалось, что рыцарь очень молод, совершеннейший мальчишка. Глядя на его прилипший ко лбу после драки белокурый чубчик и наивные голубые глаза, валькирия почувствовала жалость к поверженному противнику.

– Не убивайся так, красавчик! Ночевать в чистом поле я тебя не оставлю, – усмехнулась валькирия. – Эй, стража! Выигранный поединок дает мне право вступить под своды замка как храброму рыцарю и привести с собой даму?

– Без сомнения, леди Веста! Поединок выигран честь по чести!

– А, будучи дамой, я сама имею право на внимание рыцаря?

– Без сомнения, леди Веста! Ты прекраснее многих дам, вступавших в эти стены!

– Стало быть, я заявляю вам, что являюсь рыцарем прекрасной леди Маргариты и дамой доброго рыцаря, потерпевшего поражение! А поскольку он нуждается в помощи, я требую, чтобы нас немедленно пропустили. Опускайте мост и открывайте ворота!

Констебль озадаченно задумался.

– Случай трудный. Если ты являешься рыцарем той дамы, то как же ты можешь являться дамой того рыцаря? Или нет, наоборот, как может рыцарь быть твоим рыцарем, если дама является твоей дамой? Тыфу ты, в такой задачке не разберется и сам многомудрый король Мерлин. Ладно, проходите все трое, что с вами поделаешь? В конце концов, и рыцари и дамы среди вас имеют место, так что никого из посторонних в замок мы не пропускаем. Милости прошу, дамы и господа!

Троица тронула поводья своих коней и поскакала к подвесному мосту, который стража наконец соизволила опустить.

– Зачем ты потащила этого парня с нами в замок? – тихонько спросила Маргоша валькирию, поравнявшись с ней возле ворот, решетка которых медленно ползла вверх. – Мы же его совсем не знаем.

– Тише, – шепнула та. – Если услышит – обидится! Рыцари такие ранимые! А тебе нора отказаться от московских привычек, перестать подозревать всех вокруг в злонамеренности, надо относиться к людям с открытым сердцем. Ты здесь чужая, тебе нужно побольше союзников. Ты не можешь себе позволить быть нелюбезной с этим парнем.

ГЛАВА 7

В доме Романа Лунина телефон буквально разрывался от звонков, но трубку никто не снимал и всем настойчивым абонентам приходилось общаться с автоответчиком.

– Рома, ты же меня без ножа режешь! – надрывался продюсер Лунина Борюсик. – Ты что, забыл о выступлении в клубе «Бенихана»? Рома, ты сегодня вечером по-любому там лабаешь два часа, ты понял? Или мы попадаем на большие бабки! Трубкуними, гад ползучий, не будь же ты последней падлой!

– Здравствуйте, Роман. С вами говорит Эльвира Вильская, музыкальный обозреватель из журнала «Стереозвук». Мы с вами договаривались об интервью. Неужели вы забыли о своем обещании? Вы меня очень подводите – материал должен пойти в следующий номер, для него оставлена полоса, а вы так и не нашли для меня и часу времени. Я вас очень прошу, Роман, свяжитесь со мной как можно скорее, не ссорьтесь с прессой...

– Роман, слухай, ты где? Мы тут сидим, душевно пропиваем Эдика, а тебя нет как нет. Ты чо, в натуре, забыл, что Эдуард приглашал тебя на мальчишник? У него, блин, свадьба на носу, может, последний раз с друзьями рюмку поднимает, а ты нас игнорируешь, и Эдика, и всех... Ну и кто ты после этого? Да сволочь просто!

Автоответчик любезным голосом предлагал всем говорить после сигнала и терпеливо записывал раздраженные голоса людей, потерявших гитариста Лунина во времени и пространстве.

А Роман Лунин тем временем лежал, раскинув руки, на полу в самой темной и странной комнате своего дома и бормотал латинские слова, вперив в пространство невидящий взгляд. Вокруг Романа был начерчен прямо на полу меловой круг, украшенный огарками четырех свечей, обозначающих стороны света. Язычки пламени, плясавшие на четырех фитильках, не могли разогнать мрак. Но оккультное зрение не требует яркого света...

Лунин нередко менял собственные ипостаси. Сейчас он был не известным модным музыкантом, а пришедшим в современный мир из глубины веков чародеем, творящим магическое действо. Он пытался приоткрыть завесу над занимавшими его событиями и внутренним взором проникнуть в те темные тайны, куда его не пускала чужая эзотерическая защита.

«Картинка», которую Роману удалось вызвать, постоянно дробилась и ускользала, но он усилием воли снова и снова собирал ее воедино. Роман уже понял, что молодая колдунья Маргарита, которую он всеми силами желал уберечь от беды, попала в сферу интересов могучего магического сообщества, именуемого Алым кланом, и даже догадывался, кто именно направляет действия этого клана... Но ему важно было самому убедиться в правдивости собственных выводов: как опытный чародей Роман больше доверял собственным ощущениям, чем выводам, сделанным на основе информации, полученной со стороны.

Он вглядывался и вглядывался во тьму, которую не разгоняли огоньки свечей, и одновременно – куда-то внутрь себя, выделяя отдельные детали своих смутных видений и силясь разглядеть чужое лицо, скрытое под темным капюшоном. Это было очень трудно, но Роману все же удалось мысленно заглянуть под нависавшую надо лбом незнакомца ткань и даже осветить неким призрачным светом хищное зеленоглазое лицо, навсегда обветренное морскими штормами.

Что ж, догадка оказалась верной – это был сэр Морган, человек, с которым Роману доводилось сталкиваться еще в те давние времена, когда он был не музыкантом Луниным, а доном Раймундо, арагонским дворянином, магом и чародеем, вынужденным силой обстоятельств начинать новую жизнь на британских берегах.

В первый раз их пути пересеклись в Лондоне, при дворе короля Эдуарда Третьего, где Раймундо успешно занимался алхимией и получил золото, из которого чеканили королевские дукаты (в Британии их долго называли раймундинами).

Конечно, он нажил там много врагов – у придворных магов иначе и не бывает... И наибольшую злобу питал к заезжему испанцу один из пэров, сэр Персиваль Морли. Говорили, что он тоже тайно занимается алхимией и посему лелеет неугасимую ненависть к своим более удачливым конкурентам.

Каково же было удивление дона Раймундо, когда двести лет спустя, следуя в качестве монсеньора Аквавивы-и-Арагона, чрезвычайного посла папы Пия Пятого, морским путем из Рима в Мадрид, он был захвачен в плен английскими пиратами и в их предводителе Перри Моргане узнал своего давнего недруга лорда Морли.

Видимо, за прошедшие века лорду тоже удалось получить философский камень и синтезировать вожаденный эликсир бессмертия, и он теперь вынужденно продолжал жизнь в новом облике.

Монсеньор Аквавива, попав в плен, был продан в рабство, откуда его выкупили друзья только через два года, полных унижений и мучений... Естественно, он поклялся отомстить проклятому английскому пирату.

Случай к этому представился через двадцать лет, когда испанским королем овладела безумная идея силой захватить английское побережье и основать в Британии испанскую колонию. В Андалусии спешно формировали «Непобедимую армаду» для молниеносных и блистательных побед.

Англичане, не исключая и английских пиратов, охваченных общим патриотическим подъемом, делали все, чтобы сорвать военные поставки испанцев для нужд армады, и гонялись за каждым испанским судном. Пират Морган поджидал каравеллы испанцев у пролива Гибралтар, где у них не было свободы маневра, и безжалостно расправлялся с ними. Дон Раймундо, ставший к тому времени офицером испанского флота, взял на себя операцию по уничтожению вредоносного противника.

Корабль Моргана был обстрелян из пушек и с множеством пробоин пущен на дно. Спасаться не должен был ни один пират... Но Моргана, отведавшего эликсира бессмертия, морская пучина погубить не могла. Он выплыл и много дней болтался в море, пока его не подобрал английский фрегат. Вернувшись в Лондон, он потряс соотечественников рассказами о собственном героизме. Виселицу, к которой он был заочно приговорен на родине, отменили и, напротив, щедро наградили пирата за мужественную борьбу против проклятых испанцев.

Прошло еще несколько довольно бурных веков. Дон Раймундо, по загадочным даже для самого себя причинам осевший в холодной и тяжелой для жизни Москве, узнал, что и Морган объявился в этих краях. Теперь опасные приключения и безумные авантюры были в прошлом – Морган подвизался в роли скромного профессора, преподававшего студентам английский язык. Но, как оказалось, это поприще он избрал не случайно... Еще во времена своих пиратских скитаний он увлекся алой магией – чарами на огне и крови.

Среди зеленой молодежи, которую профессор Морган мог легко увлечь собственной эрудицией и приобщенностью к тайным знаниям, он вербовал сподвижников и учеников. И занимался с ними отнюдь не английскими глаголами...

Ему удалось создать нечто вроде секты, тайной организации или боевой дружины, где безоговорочно признавалась его власть. Именовалась команда Моргана Алым кланом. Молодых неофитов он обучал основам магических знаний, никогда не раскрывая все тайны до конца, но даже фокусы вроде чар личины, позволяющих менять собственную внешность, воспринимались его учениками как мистическое откровение, а сам Морган – как величайший пророк и волшебник.

И то, что Маргарита попала в сферу интересов клана Моргана, было очень опасно...

Что ж, теперь Роман знал, кто именно вступил в борьбу за душу молодой колдуньи. А древние не зря говорили: предупрежден – значит, вооружен.

И еще они говорили: статус человека определяется силой его врагов. Авторитет Маргариты в магическом сообществе явно возрос, раз сам сэр Морган проявляет интерес к вовлечению этой прекрасной дамы в свои сети...

Довольно далеко от Москвы, в безлюдном месте на берегу большой реки возвышался холм, который редкие побывавшие тут люди именовали Лысой горой.

Гора, если считать горой обычный, хотя и высокий холм, и вправду была лысой. Настолько, насколько вообще может быть лысой гористая местность. Деревья переставали попадаться на полпути к плоской вершине, и только несколько кривых кустиков торчали наверху, производя тот же самый эффект, что и жалкий пушок на макушке облысевшего человека.

Нынешним вечером на «лысине» горы ярко пылал большой костер, и в его мерцающем свете мелькали темные фигуры. На Лысой горе обычно собирались ведьмы, и как раз наступил час традиционного шабаша. Это было одно из восьми главных праздничных сборищ года – Имболк, ночь огней, время очищения, обновления и подготовки к окончанию зимы, к возвращению солнечного света... Недаром его издревле праздновали в начале февраля, ведь февраль, february, и означает «очищение»...

Правда, если в теплых европейских странах февраль и вправду символизирует окончание зимы, то на среднерусских широтах зима еще в полном разгаре. Но традиция есть традиция.

Указания по характеру празднования Имболка, содержащиеся в друидических трактатах, приятны и незатейливы: «Отведать всякой пищи по порядку – вот что следует делать в Имболк, – омыть руки, ноги, голову...»

Праздничные омовения ведьмы проводили не на Лысой горе, ввиду неподходящих природных условий, а в других, более располагающих к принятию водных процедур местах. На шабаш все являлись уже свежeweымытыми и лишь символически омывали лицо и руки. Тем не менее подготовительной суеты перед наступлением Имболка все равно оказалось много.

Что там происходило, было совершенно неясно – кружевная тень рваного облака периодически закрывала луну, и лишь отблески костра освещали большую поляну, по которой кружились темные призрачные тени... Можно было подумать, что ведьмы готовятся творить злые чары, если бы чей-то голос вдруг не вскричал с капризной интонацией:

– Ты хочешь сказать, что мы все принесли салат «оливье»? Девочки, ну надо же было заранее договориться о меню! Я, к примеру, могла бы сделать «цезарь» или хотя бы «техасский салат» с ветчиной и кукурузой!

– О чем речь? – отозвался другой голос, обладавший стальными интонациями привыкшего командовать человека. – Преврати одну из мисок с «оливье» в миску с «техасским», если тебе так угодно, и не порти другим праздник. У нас настоящий пикник – костер такой яркий, сидим так уютно. Только гитары не хватает, и твое ворчание тут лишнее... Надеюсь, термос с горячим кофе кто-нибудь прихватил?

Ведьмы, надо сказать, не так уж сильно отличаются от обычных людей и тоже любят отдохнуть на природе в хорошей компании. Особенно если им древними традициями предписано отведать всякой пищи по порядку...

Художников, писателей и кинематографистов всегда привлекали такие темы, как шабашы ведьм, хотя обыкновенные творческие люди имеют несколько искаженное представление о том, что там на самом деле происходит. Среднестатистические творцы слишком много времени проводят в душных, прокуренных комнатах, вперившись в экран монитора и предаваясь фантазиям, вместо того чтобы выйти на свежий воздух и приглядеться к природному течению жизни.

И что они могут навоображать за своими компьютерами касательно шабаша ведьм – скорее всего, пресловутые танцы нагишом в неверном лунном свете? Даже в странах с теплым климатом это не слишком популярное развлечение, а уж в России и в летнюю пору редко выпадают такие ночи, когда хотелось бы раздеться в ночной прохладе и попрыгать среди оголтелого комарья. А что говорить про раннюю весну или позднюю осень – брр! Зимние пляски нагишом по пояс в снегу можно даже не обсуждать. Нормальным разумным ведьмам это обычно и в голову не приходит в силу полной противоестественности таких развлечений.

Или, скажем, языческие боги, которым ведьмы должны поклоняться... По мнению лиц с художественным воображением, представители языческого бестиария непременно появляются на сборищах ведьм и вносят в атмосферу шабаша нотки вакхической распушенности.

На самом-то деле ведьмы не такие уж поклонницы древних богов – им ведь постоянно и зачастую без всякого удовольствия приходится иметь с уцелевшими языческими божествами дело. Но верить в них и истово им поклоняться? Это все равно что верить в соседа по лестничной площадке и поклоняться ему или обожествовать продавщицу из ближней булочной... Свои ведь люди! К тому же далеко не каждый из языческих богов, в силу специфики характера и воспитания, оказался бы к месту на Лысой горе на клановой вечеринке ведьм. Там и без них было чем заняться. Пусть уж лучше не путаются под ногами!

Что же касается волшебных мазей, зелий, притирок и всяческих снадобий, вот они и вправду весьма популярны в среде ведьм и колдуний. Некоторые мази помогают летать, другие неплохо справляются с приступами радикулита или ранними морщинами... Большинство ведьм находятся в том почтенном возрасте, когда мази и зелья из пустого баловства превращаются в предмет первой необходимости, особенно если беспокоят суставы или, скажем, хронический бронхит, или стянутость кожи после водных процедур... Обменяться магическими рецептами – это одно из самых важных и приятных дел, свойственных сборищам ведьм.

Но вот если коснуться темы дружеского общения между коллегами по чародейскому цеху – с этим на шабашах сплошные проблемы. Каждая ведьма любит подчеркнуть собственную значительность и индивидуальность, вместо того чтобы восхищаться талантами товарок. Психологический конфликт сильных личностей налицо, ничего не поделаешь...

– А что-то я Горынскую не вижу. Она опять не сочла нужным удостоить нас своим присутствием? – спросила высокая ведьма в очках, похожая на строгую учительницу математики. – Начинаящим не стоило бы пренебрегать помощью коллектива единомышленников... Но некоторые любят показать, что они умнее всех. Для ведьмы общего профиля Горынская слишком уж оригинальничает.

– Насколько я знаю, ее просто нет сейчас в наших пределах, – отозвалась любительница кукурузного салата. – Краем уха я слышала, что она отправилась в королевство Мерлина. Не знаю, что уж ее на это сподвигло...

Ведьмы издали разнообразные возгласы, свидетельствующие о крайнем изумлении. В свете костра было хорошо видно лицо училки, выражение которого недвусмысленно свидетельствовало – если Маргарита Горынская еще и не сошла с ума, то ей совсем недолго осталось.

Дама, интересовавшаяся салатами (она была домашней хозяйкой, что наложило на ее облик черты домовитости и некоторой перегруженности семейными проблемами и одновременно выработало привычку требовать от окружающих беспрекословного подчинения), решила заступиться за молодую коллегу:

– Полагаю, суть в том, что в жизни женщины рано или поздно наступает такой момент, когда ей хочется найти себя.

– А чего ж ей тут-то себя не поискать? Чего по другим мирам болтаться?

В разговор вступила красавица блондинка, считавшаяся модной телеведущей (неплохая карьера для особы, перешагнувшей рубеж девяностолетия; правда, почти все силы у нее ухо-

дили на чары, помогающие держать себя в должной форме и выглядеть лет на шестьдесят моложе своих лет):

– Что толку сидеть на одном месте? Нужно почаще переезжать, чтобы чего-то в жизни добиться. Большинство людей не любят покидать насиженное место, и у тех, кто легок на подъем, всегда будет преимущество. Меняй свое окружение, меняй мужчин, меняй страны, меняй занятия – и, если все делаешь правильно, весь мир будет твоим.

– То-то ты так и мотаешься взад-вперед! – огрызнулась училка. – Метла остыть не успевает. Но мир к твоим ногам пока так и не рухнул, как я погляжу. А вот мне все-таки интересно – кто это отправил нашу неопытную коллегу в мир Мерлина? Не иначе как без гнома Буртинкаса не обошлось! Вот они, твои чужеземцы.

– Почему это мои? И кстати... вряд ли можно назвать Буртинкаса чужеземцем, – перевернула плечами блондинка.

– А как же его еще называть? Гном, который живет на два мира, самый настоящий чужеземец и будет. В этом-то чужеземстве и заключается – чтобы и нашим, и вашим... Добрые-то гномы сидят в своих подземельях и полезные ископаемые добывают – медь там, алмазы или изумруды, – а не Мерлинам всяким прислуживают, одной ногой в ином мире стоя.

– Вообще-то уже не те времена, – вклинилась домохозяйка, – когда все безропотно занимались своими делами. Теперь нечасто найдешь настоящее подземелье гномов. Большинство гномов в наши дни приучились к свету белому, шастают где хотят и вообще заняты отхожим промыслом, зашибая деньги по большим городам. Известно, в городе-то гномом быть куда как легче и комфортнее – не нужно проводить жизнь под землей, в штольнях, без остановки стуча молотком, как товарищ Стаханов. И по поводу колебания цен на рынке цветных металлов и драгоценных камней беспокоиться им уже ни к чему... Но кто скажет, имеют ли они право по-прежнему считать себя гномами после этого? Потеря уважения к старым традициям – вот главная беда нашего времени.

– Девочки, вы совсем не о том говорите, – перебила ее училка. – Что нам за дело до гномьих традиций? Лично мне интересно, как там Горынская в иных мирах плутает. Не хочу сказать, что она там непременно пропадет и сгинет, но... всякое может случиться. Лично я охотно глянула бы своими глазами, как там и что. А может, и вмешалась бы... Смотря по обстоятельствам.

– По-моему, излишняя опека никому на пользу не пойдет, – заметила теледива. – Может быть, судьба дает ей шанс поработать над собой. Ведьма должна воспитывать в себе победительные настроения. К примеру, смело бродить по темным ночным улицам, кишачим хулиганами и бандитами. И пребывать при этом в полной уверенности, что в ее родном городе нет ничего ужаснее, чем она сама, если ее как следует разозлят. Хотя... я бы тоже одним глазком взглянула, как Горынская устроилась, из чистого любопытства. У Маргариты в таком месте, как Камелот, могут возникнуть серьезные проблемы. Она практически никогда не пользуется ведьмовством ради достижения собственных целей. А что толку быть ведьмой, если не насылаешь чары?

– Ну вот, как всегда – вы уже намылились в королевство Мерлина, а мне не предлагаете составить вам компанию даже из простой вежливости. Я, по-вашему, должна сидеть в Москве и изнывать от любопытства? А я, между прочим, не люблю, когда нечто невысказанное витает в воздухе. И если уж я что-то не люблю, то это всегда проявляется самым неожиданным образом. Короче говоря, мало никому не покажется.

Ни одна из ведьм при этом разговоре не выразила удивления по поводу беспардонности своих приятельниц. Обычно у ведьм нет секретов друг от друга: по своей натуре они чрезвычайно любопытны и в ведьмовской среде ничего невозможно утаить.

Присоединившись к общему хороводу, кружившемуся вокруг костра, три подруги немного поплясали, чтобы согреться, потом выпили кофе с коньячком, закусили пирожками и вернулись к важной теме.

– Допустим, мы могли бы махнуть в Камелот сами по себе, никак не привязывая наш визит к похождениям Горынской. Мы будем просто путешествовать и отдыхать. Ну и следить за ситуацией, конечно. А на месте разберемся, что там и как, – задумчиво сказала училка, глядя куда-то вдаль. – Жанна, у тебя ведь там крестная живет? Может быть, навестим старушку?..

Фея-крестная, та самая, что обычно провожала Золушек на балы и наделяла принцесс при рождении всякими волшебными дарами, и вправду удалилась в архаичный Камелот, не найдя себя в новой жизни. Одним из последних даров феи-крестной был дар вечной молодости, оставленный малютке Жанне девяносто три года назад... И этот дар до сих пор оставался со своей обладательницей, хотя и несколько поблек с годами и требовал все больше усилий от Жанны по поддержанию собственной неувыдаемой юности.

– Навестить крестную можно, я не возражаю, – ответила она. – Но учтите – у старушки развилась страшная рассеянность, и вообще, склероз ее мучает. Так что возможны кое-какие эксцессы. У крестной, к примеру, просто мания какая-то развилась по поводу тыкв. Вечно она превращает их в кареты. Как увидит где-нибудь тыкву, сразу хватать свою волшебную палочку и делает карету на колесиках. К большому неудовольствию тех, кто эти тыквы выращивает, – им, может, кареты вовсе и ни к чему, им, может, тыквенной каши хотелось бы... а во дворе вместо спелой тыквы экипаж катается! И изволь дожидаться полуночи, пока получишь свою расколдованную тыкву обратно, да еще в побитом виде. Уже набралось много жертв этих сомнительных экспериментов.

– Да и ладно, – отмахнулась домохозяйка, не привыкшая уделять внимание подобным мелочам. – У всех свои слабости. Игры с тыквами выглядят вполне безобидно. Надеюсь, при всей своей рассеянности она тебя узнает. А пару тыкв можно прихватить с собой в качестве гостинца для старушки – пусть себе делает кареты, если уж такая блажь пришла... Значит, договорились – завтра собираемся в вояж. Нам тоже не помешает слегка взбодриться.

– Ох и сложное это дело – обязанности подлинной ведьмы, – вздохнула Жанна. – Только и делаешь, что взбадриваешься.

ГЛАВА 8

Трое пришельцев, въехав в мощный каменными плитами двор замка Камелота, спешили и передали поводья своих коней подбежавшим пажам.

Между тем слышались звуки рога и во двор стремительно ворвалась кавалькада.

– Эй, не въезжала ли в замок знатная фея по имени Маргарита? – закричали они. – Куда же ее светлость подевалась? Король выслал нас навстречу гостье, которой по знатности рода не подобает путешествовать без свиты. Но мы проскакали по дороге до самых границ королевства и нигде не встретили направлявшейся к замку молодой дамы... Непонятно, как мы могли разминуться, но все же... Стражи ворот, отвечайте, не вступал ли кто-нибудь в замок?

– В замок вступили две дамы, одна из которых рыцарь, и еще один рыцарь, который сперва был без дамы, а потом стал рыцарем той дамы, которая и сама рыцарь.

– Тьфу, – сплюнул старший из конников. – Ты сам-то понимаешь, что ты несешь, стражник?

– Слышишь, о чем они говорят? Не из-за тебя ли тут случился переполох? – прошептала на ухо Маргарите Валька. – Сдается мне, что ты и есть та знатная фея Маргарита, которую эти олухи потеряли. Небось проскакали мимо нас по дороге, пока мы у ручья делали себе лошадок...

– Фея Маргарита – могущественная колдунья, и король не простит, если мы ее чем-то обидим, – продолжали стенать конники. – А его величество лучше не злить! Это может выйти боком всему Камелоту... Говорят, фея прибыла из далекого мира, из королевства по имени «Москва», где ей нет равных...

– Учитывая сомнительный успех моих первых магических опытов, можно сказать, что мне удалось создать неплохую репутацию, и за короткий срок, – бросила Маргарита валькирии и решительно выступила вперед. – Господа! Если вы ищете фею Маргариту, прибывшую из Москвы, то это я.

Все вокруг тут же замерли в почтительных позах, словно играли в «замри-отомри», а потом принялись затейливым образом раскланиваться.

Пара пажей, прилепившихся к Маргарите с обеих сторон, повела ее к высокой башне из серого камня. Следом за ними хвостом поплелась целая процессия – видимо, таким образом Маргарите оказывали почести.

Она все время нервно оглядывалась, пока не увидела Вальку и подобранного той безхозного рыцаря-неудачника, стоявших плечом к плечу. Валькирия помахала ей рукой каким-то задорно-успокоительным жестом, словно говорила: «Иди-иди, не тревожься! Нам тут и без тебя будет неплохо!»

Что ж, Валька свой человек в этих местах и, надо думать, не пропадет. И компания рыцаря ее вполне устраивает... Но все же Маргоша из товарищеских соображений поинтересовалась:

– А как же мои друзья?

– Не тревожьтесь, ваша светлость, – ответствовали ей. – О ваших друзьях в замке позаботятся. Ваши друзья – наши друзья и тем паче – друзья нашего короля.

По крутой винтовой лестнице Маргариту проводили в верхний ярус башни, где обнаружилась узкая комната со стрельчатым окном и необъятных размеров кроватью с балдахином, закрепленной на четырех витых столбиках.

Там Маргариту ожидали четыре женщины – видимо, служанки, – встретившие гостью короля низкими поклонами.

К ее услугам оказались большой медный таз, кувшин с теплой водой, холщовое полотенце и неплохой выбор нарядов, виденных прежде московской феей лишь в голливудских филь-

мах на темы раннего Средневековья. Маргарита выбрала зеленое платье, украшенное золотой сеткой, и высокий остроконечный колпак с вуалью – на картинках, иллюстрирующих сказки Перро или братьев Гримм, феи обычно изображались в подобных уборах.

Что и говорить, убор наводил на мысль, что даме на голову водрузили большой рожок мороженого (но ведь наводил он на эту мысль только тех, кто имел привычку потреблять вафельные рожки, а таких в здешнем королевстве, надо думать, немного).

Перед тем как облачиться в платье, пришлось еще нацепить на себя множество разнообразных предметов, назначение которых было не совсем понятным, а зеленое платье оказалось уже последним слоем, как верхние листья на кочане капусты. Маргоша, привыкнув, что под платьем не бывает почти ничего, кроме самой Маргоши (ну и еще кое-какие незначительные мелочи чисто функционального характера), наверное, и не справилась бы со средневековым нарядом без помощи и консультаций служанок. Любезные женщины к тому же помогли ей уложить соответствующим манером волосы, и фея из нее в конце концов получилась хоть куда.

Не успели служанки водрузить высокий колпак на затейливую прическу, украшенную вплетенными жемчужинами и золотыми нитями, как Маргариту оглушил ужасающий рев множества труб и дудок.

– Обеденный час близок, – сообщили служанки. – Слышите, ваша светлость, это трубят сигнал на обед! За трапезой вы будете представлены королю...

За стенами замка уже темнело, на лестнице, освещенной лишь одним криво торчащим из железного гнезда факелом, было, мягко говоря, сумрачно, но Маргоше удалось преодолеть все ступеньки, не расквасив себе носа.

Во-первых, ей помогали любезные служанки, хорошо знавшие каждую выбоину на ступеньках, а во-вторых, у нее был кое-какой опыт: в доме, где Маргоша жила до того, как бабушка оставила ей престижную квартиру в Гагаринском переулке, регулярно не горели лампочки в подъезде, и преодолевать восемь ступенек от входной двери к лифту приходилось примерно в таких же условиях.

Вскоре перед ней забрезжил свет (казавшийся ярким только после погруженной во тьму лестницы), распахнулись двери, и чей-то голос торжественно объявил:

– Высокоchtимая фея Маргарита из рода чародеев Хорнов!

На Маргариту устремилось множество взглядов. Оказавшись объектом всеобщего внимания, она, как обычно, почувствовала себя не в своей тарелке. Но к ней уже спешил, поднявшись из-за стола, стоявшего на высоком помосте, седовласый человек в усеянной звездами мантии.

– Леди Маргарита, я счастлив приветствовать вас под сводами моего замка!

Это и был король Мерлин Пятый. Он чем-то смахивал на Шопу Коннери, но, естественно, не в роли Бонда, а в роли короля Артура. Кинематографический камелотский стиль, во всяком случае, чувствовался.

Маргарита несколько опешила, но ее вывел из растерянности знакомый шепот Вальки, донесшийся откуда-то из-за спины:

– Поклон, поклон! Маргошка, дура, поклонись королю! Никаких благородных манер у тебя нету, леди, блин!

Маргоша, вызвав в памяти образы дам из виденных когда-либо «костюмных» фильмов – госпожи Бонасье, леди Гвиневеры, Маргариты Валуа, – попыталась изобразить поклон вроде тех, которыми эти дамы приветствовали высокородных лиц...

Конечно, на экране воплощали дам из разных исторических эпох Маргошины современницы, обученные старинным поклонам в театральных училищах. Во всяком случае, когда Маргарита сделала перед королем подобный реверанс, по залу пронесся восхищенный шепот – здесь подобные проявления грации были редкостью.

– Вашу руку, фея Маргарита! – восторженно произнес король. – Позвольте сопроводить вас к столу.

Просторный зал, освещенный закрепленными по стенам факелами, был полон народа – кроме установленного на высоком помосте королевского места для вкушения пищи все остальное пространство занимал огромный изогнутый стол подковообразной формы, за которым расселось множество гостей. В торце зала сидели музыканты, а вдоль стен стояли слуги и пажи, в чьи обязанности входило прислуживать гостям за столом...

Король уделял «московской фее» особое внимание, не в пример другим гостям, но все же, будучи хозяином пиршества, иногда вынужден был отвлекаться, и тогда вниманием Маргариты завладевала другая дама, жаждавшая поведать об испытаниях, которые ей недавно довелось пережить.

– Я до сих пор не могу оправиться после мучений, перенесенных в замке этого изверга Триамонда, – трещала она без умолку. – О, каким изощренным пыткам подвергал меня этот коварный деспот! Он держал меня взаперти и при этом искушал самыми сладостными видениями и сулил несметные сокровища в обмен на мою добродетель...

Маргарита с интересом взглянула на дамочку, подвергшуюся столь «изощренным пыткам». Пожалуй, этой особе не помешало бы побывать на экскурсии в современной Москве. Если ее, ввиду отсутствия документов с московской регистрацией, прихватит милицейский патруль, изверг Триамонд покажется даме просто ангелом... Иногда человеку не хватает ярких впечатлений, чтобы выработать у себя более светлое восприятие мира.

– А как часто этот тиран обращался к вам, достопочтенная леди, с подобными непристойностями? – с интересом спросил один из сидевших за столом рыцарей.

– Бывало по шести раз в день... А бывало и по двенадцати!

– И вы отказывали?

– О да! Кипя благородным негодованием и храня верность своему возлюбленному...

Рыцарь, не дослушав, что-то негромко ответил (вероятно, не предназначенное для чужих ушей), от чего гордая жертва изверга Триамонда вознегодовала и рявкнула:

– Целомудрие, сэр, не есть повод для глупых шуток!

В обеденном зале воцарилась тишина, потом кто-то из мужчин вступился за честь дамы, и общество было обеспечено развлечением в виде рыцарского турнира, созерцать который приглашались наутро все желающие.

– Вот так всегда, – грустно сказал Маргарите король Мерлин. – Мои гости имеют неограниченные возможности для совершенствования своих магических способностей... Но они предпочитают лишь есть, пить, крутить романы и драться. Много званных, да мало избранных... Кстати, милая леди Маргарита, позвольте пригласить вас в каминный зал, как только вы завершите свою трапезу. Я желал бы иметь с вами приватную беседу.

«Надеюсь, этот сивый Мерлин не намерен в здешних традициях покушаться на мою добродетель? В противном случае я тоже буду защищать свое целомудрие», – подумала Маргарита, которой не пришлось по вкусу нравы замка.

ГЛАВА 9

С завершением трапезы Маргарита не стала затягивать: пажи обносили гостей блюдами с жареной дичью, и тот огромный кусок лосятины, который положили перед ней, съесть оказалось просто невозможно. Во-первых, мясо здесь было принято есть руками, а с таким жестким куском не справиться было без ножа и вилки, а во-вторых, никаких приправ к нему не добавили (перец и прочие растения, придающие блюдам острый вкус, в Камелоте были, похоже, просто неизвестны)... Так что, когда заиграла нестройная музыка и гости пустились в пляс, Маргарита без всякого сожаления оставила трапезу и удалилась вслед за королем.

Никаких покушений на ее добродетель, к счастью, не последовало.

Король Мерлин провел Маргариту через зал, где стоял знаменитый Круглый стол и двенадцать сидений с именами ближнего круга рыцарей. Король в этом кругу считался «первым среди равных» (в пиршественном зале, где Мерлин с избранными гостями сидел на возвышении, наслаждаясь почетом, а прочая публика – за общим столом, старые традиции уже явно были неактуальны...).

Вскоре король и его гостя оказались в уютной гостиной, каждая из четырех стен которой была оборудована изящным камином (и вряд ли эти отопительные устройства тоже пришли из времен короля Артура).

– Прошу вас, леди Маргарита. – Мерлин указал на одно из высоких резных кресел, стоявших у самого огня.

– Простите, ваше величество, мою необразованность, но позволительно ли мне сидеть в присутствии короля?

Маргарита осмелилась задать вопрос самому монарху, так как больше спросить было не у кого, а попасть впросак было бы еще неприятнее.

– В моем королевстве – да. Я не сторонник жесткого соблюдения норм этикета, – ответил Мерлин. – Так что чувствуйте себя как дома.

Уверенности, что в средневековом замке можно почувствовать себя как дома, у Маргариты не было, но ей оставалось лишь любезно улыбнуться.

– Нравится ли вам в Камелоте, леди Маргарита? – поинтересовался король, явно напрашиваясь на комплименты.

Видимо, любезной улыбке в этот вечер так и не суждено было сойти с Маргошиного лица...

– У вас очаровательное королевство, ваше величество. То, что я успела увидеть, похоже не на грубую жизнь, а на красивые картины, выполненные талантливым живописцем...

И кто бы мог подумать, что она способна на столь витиеватые речи! Но надо же было придумать что-нибудь этакое для разговора с монархом. Самое забавное, что при этом Маргарита еще и не врала, а говорила королю чистую правду. Действительно, Камелот – дивное местечко, виды вокруг необыкновенные, что тут еще скажешь!

– Вы не поверите, моя милая, сколько столетий мои предки и я, ваш покорный слуга, создавали эту красоту, этот уникальный мир, где есть все для счастья. Мягкий климат, плодородные пашни, леса, полные дичи, чистейшие реки, богатые рыбой... Ни войн, ни эпидемий, ни голода, ни стихийных бедствий! Казалось бы, что моим подданным еще нужно? Трудитесь, плодитесь и размножайтесь. Хочешь – будь крестьянином, и у тебя будет крепкий дом, хозяйство, сад, пашня. Можешь выращивать урожай и продавать его на городском рынке, минимальный налог отдавая в казну... Хочешь – будь ремесленником, живи в городе, производи товар: горшки, башмаки или корзины – и радуйся. Единственное, чего я не допускаю, – новых веяний, той дикой техники и убийственной философии, что царят в вашем мире.

Мерлин так разволновался, что вскочил на ноги и прошелся из угла в угол.

– За последние триста лет, что я самолично наблюдаю за жизнью вашего мира, я окончательно убедился, что прогресс не несет пользы, губит природу, создает брожение умов и отвлекает *от* радостей *простой* жизни. Но люди моего королевства стали роптать! Они хотят чего-то иного, вместо того что имеют, причем представления об этом ином у них весьма смутные. Крестьяне стали лениться и не обрабатывают поля должным образом. Ремесленники и того хуже – бражничают и дерутся, вместо того чтобы производить полезные товары. Рождаемость снизилась, численность населения сокращается, жители королевства правдами-неправдами пробираются в сопредельные миры и бегут из Камелота навсегда... Вот взять хотя бы ваш мир – что в нем хорошего?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.